

На правах рукописи

СИВКИНА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

**ГРЕКО-МАКЕДОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ III В. ДО Н.Э.:
ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ИНТЕГРАЦИИ**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

*Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история древнего мира)*

Иваново – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный консультант: доктор исторических наук, доцент
Махлаюк Александр Валентинович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Строгешкий Владимир Михайлович
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет»

доктор исторических наук, профессор
Климов Олег Юрьевич
ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

доктор исторических наук, доцент
Габелко Олег Леонидович
ГОУ ВПО «Казанский государственный университет»

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: Белгородский государственный университет

Защита состоится 26 марта 2010 г. в 9 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.02 при ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, 5, аудитория 101.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского государственного университета

Автореферат разослан «25» марта 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

В.М. Тюленев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Есть эпохи во всемирной истории, которые особенно изобилуют социальными и политическими переменами и, будучи исполнены напряженного взаимодействия различных творческих сил, оказываются особенно плодотворными в плане дальнейшего развития¹. К числу таких эпох в древности бесспорно должен быть отнесен период эллинизма. Многочисленные исследователи неоднократно обращались к истории эллинизма, изучая различные его аспекты: социальную и экономическую жизнь, вопросы идеологии и религии, политические и международно-правовые отношения. В области теоретических изысканий в отечественной науке рассматривались вопросы о сущности, хронологических границах и историческом значении эллинизма. Охватывая всего три столетия, эллинистическая эпоха до сих пор привлекает внимание ученых недостаточной изученностью отдельных вопросов, нерешенностью поставленных проблем и неожиданными подходами к старым дискуссиям.

Различные аспекты взаимоотношений Македонии и Эллады в конце IV и III вв. до н.э.² неоднократно изучались отечественными и зарубежными учеными. В частности, разбирались проблемы характера и особенности политических институтов таких межгосударственных организаций, как лиги 338, 302 и 224 гг.; при этом, в подавляющем большинстве трудов, затрагивающих рассматриваемый период деятельности этих союзов, как правило, излагаются политические события в хронологической последовательности, и не уделяется пристального внимания самим союзным организациям. Кроме того, акцент делается на изучение вопросов, связанных с использованием македонскими царями отдельных статей союзных договоров в интересах своей державной политики; при этом подчеркивается, что лиги были лишь средством подчинения или установления жесткого контроля над греческими государствами.

Исследуя проблемы развития греческих государств, ученые обычно рассматривали особенности федеративного движения на примерах Ахейского, Этолийского и Беотийского союзов, лишь в публикациях конца XX в. наметилась тенденция выявления признаков федерализма в государственном устройстве Македонии и сопоставления их с вариантами греческого федерализма³. Та-

¹ Фролов Э. Д. История эллинизма в биографиях его творцов: вступ. ст. // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 3.

² Далее все даты, кроме оговоренных особо – до. н. э.

³ Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1: a historical and epigraphic study. ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22. Athens, 1996. 520 p.

кой подход заслуживает, с нашей точки зрения, внимания, так как позволяет лучше понять сущность объединительного движения в Балканской Греции.

Для понимания сущности греко-македонских отношений важное значение имеет специфика царской власти в Македонии и отношение к ней и к отдельным ее представителям со стороны греков. В известной степени можно говорить о влиянии монархических принципов управления на государственные структуры государств Балканской Греции. Примечательно, что в числе государств, испытавших такое влияние, отмечают даже те организации, которым никогда не было присуще монархическое правление, например, Ахейской федерации. В связи с этим, македонская монархия, хорошо изученная в различных ее аспектах, нуждается в дополнительном исследовании.

Естественно, не следует забывать о роли личности в истории: фактически, выбор того или иного пути развития межгосударственных отношений, методов и «стиля» решения тех или иных проблем зависел от конкретных людей. Однако в освещении и в оценках личности и деяний ключевой фигуры истории Балканской Греции рассматриваемого периода, предпоследнего македонского царя Филиппа V, до сих пор преобладают стереотипы, которые восходят к предвзятому отношению античных авторов, в первую очередь, к Полибию. В связи с этим возникает необходимость взглянуть на утвердившийся в научной литературе образ Филиппа под иным «углом зрения», а именно: уделить более пристальное внимание первым годам его царствования, выяснить, какими принципами стремился он руководствоваться в своей политике, какие субъективные цели ставил перед собой, чем обуславливались успехи и неудачи его начинаний.

Таким образом, следует отметить, что в изучении взаимоотношений Греции и Македонии акцент в исследовательской литературе обычно ставится на стремлении македонских правителей различными методами покорить Элладу, а интеграция, если о ней вообще заходила речь, понималась преимущественно как форма подчинения греческих полисов Македонскому царству, подобно тому как впоследствии поступили с ней римляне, включив Балканскую Грецию в свою державу в качестве провинции. Однако, в свете новых данных и подходов, наши представления о македонском государстве эллинистической эпохи начинают меняться. В частности, некоторые современные исследователи склонны считать, что Македония имела «федеративный характер», (...the “federal” character of the Macedonian state)⁴, объединяя племенные общности, подобно Этолий-

⁴ Hatzopoulos M. B. Op. cit. P. 426–427.

скому союзу. Поэтому изучение в русле отмеченных подходов международной обстановки, специфики македонского царства, деятельности союзной организации 224 г. может способствовать более глубокому пониманию политических и, в частности, интеграционных процессов на Балканах в последние десятилетия III в., а также тех событий и факторов греческой и македонской истории, которые, в конечном счете, подготовили почву для установления римского господства и над Грецией, и над Македонией и оказали влияние на весь средиземноморский мир. Этим, на наш взгляд, обуславливается актуальность предлагаемого исследования.

Объектом данного исследования являются греко-македонские отношения и интеграционные процессы в греческих государствах в конце III в. до н.э. в контексте международно-политической и внутренней ситуации на Балканах. **Предметом** исследования выступает как военно-дипломатическая, конкретно-событийная история конца III в., так и политические институты и межгосударственные структуры, оформившиеся в виде греко-македонских союзов, а также социальные процессы и противоречия, существовавшие в греческих государствах, особенности личности и деятельности Филиппа V.

Целью работы является разностороннее исследование содержания греко-македонских отношений в конце III в. до н.э., их предыстории и тенденций развития, выяснение причин неудачи процесса интеграции Греции в рамках союзной организации, действовавшей на основе принципов Общего Мира. Для достижения данной цели представляется необходимым решить ряд следующих задач:

1. Проследить развитие отдельных статей договора об Общем Мире, заключение которого сопутствовало образованию греко-македонских союзов. Представляется необходимым рассмотреть вопрос о балансе сил в Греции; выяснить, с какой целью при образовании Эллинской лиги в договор были внесены статьи об Общем Мире; способствовали ли они фактическому утверждению мира в Греции; каким образом ведущие политики Ахейского союза и Македонии пытались их интерпретировать. Охарактеризовать положение союзников в Эллинской лиге, образованной в 224 г., выясняя при этом, соответствует ли действительности утвердившееся в историографии мнение о том, что все выгоды от образования союза получили македонские правители.

2. Выяснить роль Филиппа V в процессе единения греков и македонян: был ли он преемником политического курса македонских царей в отношении Греции? Говоря о личности предпоследнего македонского царя, следует остановиться на его полководческих и дипломатических способностях: необходимо

определить степень самостоятельности предпринятых им шагов и степень влияния на него таких деятелей, как Арат и Деметрий Фарский.

3. Исследовать ход военных действий Союзнической и первой римско-македонской войны, их последствия для сохранения Общего Мира в Греции. Выяснить, каковы были силы воюющих сторон, их слабости и преимущества друг перед другом; какой тактики придерживались военные блоки, участвовавшие в боевых действиях; чем объясняются различия в характере военных кампаний; каковы итоги этих военных столкновений для международных отношений и для греко-македонской интеграции.

4. Раскрыть характер и тенденции отношений македонских правителей с представителями разных социальных и политических групп. Поскольку следствием военных действий в Греции обычно являлось обострение социальных проблем в греческих государствах, то необходимо затронуть в исследовании и вопрос об использовании македонским правителем возникавших смут в своих интересах. Для характеристики позиции царя Филиппа V во внутренних конфликтах следует проанализировать его методы решения социальных проблем в греческих государствах.

5. Уточнить значение иллирийских событий в македонской политике: имела ли Иллирия столь большое значение для царей Антигона Досона и Филиппа V, какое ей приписывают современные исследователи.

6. Дать характеристику целям и устремлениям Филиппа V в сравнении с замыслами и деяниями Александра Македонского, что позволит выяснить, правомерно ли считать Филиппа простым подражателем Александра, как это иногда делается в трудах современных исследователей.

7. Рассмотреть новую систему контроля, создаваемую Филиппом V в Греции, и определить степень эффективности ее использования для греко-македонской интеграции.

8. Исследовать особенности восприятия греками личности и политики предпоследнего македонского правителя.

9. В качестве основного вывода представляется необходимым выяснить причины неудачи греко-македонской интеграции.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают начальный этап правления Филиппа V, поскольку после вмешательства в греко-македонские отношения римлян в ходе второй римско-македонской войны Эллинский союз прекратил свое существование, а вместе с ним исчезла основа для греко-македонского единения. Таким образом, хронологические рамки охватывают историю 224 – 200 гг. до н.э. Начальная дата связана с образованием Эл-

линской лиги, положившей начало новому этапу развития греко-македонских отношений. Конечная дата – начало второй римско-македонской войны, изменившей расстановку сил на Балканах и приведшей к резкому повороту в политике Филиппа V. Однако в тех случаях, когда этого требует логика изложения материала, будет допущено некоторое отступление от выбранных хронологических границ. Кроме того, в первой главе будут рассмотрены греко-македонские союзы, созданные в 338 г. Филиппом II и в 302 г. Антигоном Одноглазым и его сыном Деметрием Полиоркетом. Хотя данные организации существовали задолго до Эллинского союза, но они послужили основой для создания Эллинской лиги 224 г. К концу III в. стало совершенно очевидно, какие статьи договора, использованные в прежних союзах, оказались эффективным орудием в руках гегемона лиги, какие принципы были необходимы для сохранения прочности греко-македонской организации, какие методы управления были предпочтительны. Поэтому без рассмотрения структуры этих объединений, условий, на которых базировались данные организации, особенностей взаимоотношений греков и македонян наше исследование не будет иметь целостный вид.

Географические рамки работы ограничены территорией Македонии и Балканской Греции.

Методологическая основа исследования определяется пониманием эллинизма как конкретно-исторического феномена, сущность которого состоит во взаимодействии греческих, македонских и местных начал во всех областях общественной жизни государств, возникших после похода Александра Македонского. Специфика эллинистического периода заключается в том, что синтез экономических, социальных и культурных взаимоотношений в разных странах принимал разные формы – заимствования, подражания, одностороннее влияние, взаимопроникновение и т.д., – но конкретно-историческая ситуация в каждом регионе имела свои особенности.

Важнейшими методологическими принципами, лежащими в основе диссертации, служат историзм при рассмотрении изменяющихся во времени явлений, и системность в исследовании. В диссертации найдла применение принятая в современной историографии античности методика исследования, включающая приемы и методы исторической критики. В ряде случаев используется сравнительно-исторический метод для реконструкции событий, сравнительно-генетический метод для изучения греко-македонских организаций. Для такого типа исследования, как настоящая диссертация, характерен также метод, отмеченный еще Полибием: «... история по частям дает лишь очень мало для точного разумения целого; достигнуть этого можно не иначе, как посредством сцеп-

ления и сопоставления всех частей, то сходных между собой, то различных, только тогда и возможно узреть целое, а вместе с тем воспользоваться уроками истории и насладиться ею» (I. 4. 11).

Источники по рассматриваемой теме делятся на две большие группы: основные и вспомогательные. Из произведений античных авторов основным источником для данного периода остается «Всеобщая история» Полибия – грандиозный по объему и охвату материала труд. Следует принять во внимание, что по исследуемой тематике не сохранилось другого столь глубокого труда, способного сравниться с произведением ахейского историка. Но нужно помнить один существенный момент: сам автор не был беспристрастным и объективным, когда речь заходила о противниках или соперниках Ахейского союза. Писатели более позднего времени во многом зависели от этого первоисточника. «История» Полибия была основой для жизнеописаний Арата и Фламиния у Плутарха и, в известной степени, для труда Тита Ливия и Диодора.

Наряду с указанными «базовыми» источниками привлекался и материал, содержащий отрывочную информацию по выбранной теме. К вспомогательным источникам следует отнести труды Страбона, Павсания, Афиняя, Аппиана, Фронтинна, Полиэна. Поскольку в настоящем исследовании возникла необходимость проводить сопоставления греко-македонских союзов IV и III вв., то привлекались труды, описывающие правление Александра Македонского и деятельность Коринфских лиг. Прежде всего, следует назвать речи ораторов IV в. – Исократ, Ликурга, Демосфена, Гиперида и Эсхина, а также произведения Помпея Трога, в сокращении Юстина, Арриана, Курция Руфа. Можно отметить и вспомогательную роль в исследовании работ византийских авторов.

Ценным источником для периода эллинизма остаются данные эпиграфики. В работе использованы надписи из сборников *Sylloge Dittenberger's inscriptionum Graecarum* и его же *Orientis Graeci inscriptiones selectae*, а также *Iscrizioni Moretti's storiche ellenistiche*. Отдельные надписи изданы в специальных журналах, таких как *Hesperia* и в качестве эпиграфических приложений к трудам виднейших специалистов современности по истории эллинистического периода. Преимущество этого типа источников заключается, в первую очередь, в том, что они являются документальными свидетельствами той эпохи.

Поскольку союзный договор Антигона Досона с греками известен только по нарративной традиции, весьма полезными оказались сохранившиеся фрагменты надписей, относящихся к более ранним временам, но имеющих отношение к Коринфским лигам 338 и 302 гг., поскольку между союзными организациями всех трех лиг прослеживается много аналогий.

Любопытные данные содержатся в сохранившихся фрагментах военного устава, идентичные копии которого были найдены в Дrame и Кассандрии. По начертанию букв их относят ко времени Филиппа V. Впервые они были опубликованы в 1999 г.⁵ В этих надписях есть сведения о сроке военной обязанности, возрастные ограничения для службы, сведения о принципах набора в агему, фалангу и в отряд гипаспистов.

Нумизматические источники при изучении данной темы не привлекались. Дело в том, что Коринфские лиги IV и III вв. не имели общесоюзной казны, а македонская чеканка не использовалась Филиппом для пропаганды греко-македонского единения. В целом, говоря об источниках, следует отметить, что при всем разнообразии имеющегося в нашем распоряжении материала, ни один источник, в силу разных причин, детально не освещает историю Греции и Македонии в конце III в., деятельность Эллинской лиги 224 г. и мероприятия предпоследнего македонского правителя, направленные на поддержание Общего Мира. В нашем распоряжении есть фрагменты «мозаики», интерпретация которых неоднозначна и дискуссионна.

Степень изученности темы. При всем богатстве фактических сведений из перечисленных выше источников при изучении союзных организаций остается целый ряд пробелов в наших знаниях, попытки заполнить которые предпринимались еще в прошлом веке. Следует отдать должное историкам XIX в., которые первыми изучали политическую историю эллинизма. Наибольшие заслуги в исследовании истории эллинизма принадлежат немецким историкам⁶. И. Дройзен видел параллель между его собственным временем и эпохой Александра, когда устанавливалась военная и культурная гегемония, способствовавшая объединению государства⁷. Учитывая немецкую склонность доверять оружию, а не дипломатии, не вызывает удивления тот факт, что эти ученые в основном подчеркивали военный фактор в истории. Для научного творчества К. Ю. Белоха были характерны аналогии при анализе роли личности в историческом процессе, как это, например, произошло с определением политической роли Филиппа II, который сравнивался с О. фон Бисмарком, поскольку, по мне-

⁵ *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 30. Athènes, 2001. P. 153–160.*

⁶ *Beloch K. J. Griechische Geschichte. 2 Aufl. Bd. 4. 1 Abt. Berlin-Leipzig, 1925; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schacht bei Chaeroneia. Tl. 2. Gotha, 1899; Kaerst J. Geschichte des Hellenistischen Zeitalters. Bd. 1. Leipzig, 1909; после первой мировой войны – Wilcken U. Beiträge zur Geschichte des Korinthischen Bundes // SB. München. Abh. 10. 1917. S. 1–40; Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 1. München, 1937; Bd. 2. München, 1944.*

⁷ *Thomas G. G. "What You Seek Is Here": Alexander the Great // The Journal of The Historical Society. Vol. 7. 1. 2007. P. 63.*

нию ученого⁸, оба политических деятеля стали объединителями всех здоровых сил нации, что позволило осуществить идеи политического единства и национального примирения. Дух британского колониализма присутствует в работах английских ученых, которые внесли свой вклад в исследование истории Александра и отдельных эллинистических монархий, в частности, династии Антигонидов⁹. Англичанину М. Кэри и французам М. Олло и Э. Вилло принадлежат прекрасные общие обзоры эллинистической истории в эпоху диадохов и эпигонов¹⁰. В отечественной историографии тема эллинизма также имеет глубокие корни. В XIX в. первая работа по этой теме принадлежала В.Г. Васильевскому¹¹, а Ф.Г. Мищенко¹² первым занялся изучением федеративного движения в Греции.

Несмотря на значительный вклад современных историков в изучение отдельных вопросов военно-политического характера конца III – начала II вв., авторы часто ограничиваются пересказом версии Полибия, либо дают краткий разбор военных действий в рамках обширного труда по истории Македонии. К последним работам можно отнести монографию Ф. Уолбэнка «Филипп V Македонский» и его совместный с Н. Хэммондом труд – третий том «Истории Македонии»¹³.

В 1990-х годах насущной необходимостью для исследователей стало систематизация и публикация эпиграфического материала в связи с широкомаштабной программой раскопок в Македонии и в Греции. Было решено создать архив македонских надписей под эгидой Центра Исследования греческой и римской древности в Национальном греческом Фонде Исследования, расположенном в Афинах. Центр выпустил ряд монографий, *Meletemata*, в котором ученые, связанные с Центром, публикуют результаты своей работы. К настоящему моменту издано тридцать томов *Meletemata*, посвященных топографии и местным учреждениям, с использованием надписей эллинистической и римской эпохи, найденных в пределах границ современного греческого государства. Кроме того, каждые пять лет в Салониках проводится международный конгресс

⁸ Залан А. В. К. Ю. Белох и проблемы немецкого антиковедения конца XIX – начала XX веков: Автореф. дисс... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2000. С. 10.

⁹ Гарт В. В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. С. А. Ляковского. М., 1949.

¹⁰ Cary M. A history of the Greek World from 323 to 146 B.C. L., 1932; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T.1–2. Nancy, 1966; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle av. J.-C. Paris, 1921.

¹¹ Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869.

¹² Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий // Полибий. Всеобщая история. Т.1. СПб., 1994.

¹³ Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940; 2-nd ed. Cambridge, 1967; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3. Oxford, 1988.

по истории, эпиграфике, лингвистике, истории искусств, археологии Македонии. Большинство работ, представленных на этом конгрессе, опубликовано в *Archaia Makedonia*.

Сейчас мы знаем гораздо больше о структуре и учреждениях македонского царства, чем десятилетие назад, в значительной степени благодаря работе этого Центра и усилиям Мильтиадеса Хадзопулоса. В его «Македонских учреждениях при царях»¹⁴ первый том охватывает детальную реконструкцию внутренней структуры Македонии, исследуемой в значительной степени на эпиграфических свидетельствах, изданных во втором томе его труда. Просопографические исследования последних лет также весьма интересны, но имеют второстепенное значение для нашей темы. В настоящее время такими исследованиями успешно занимается Аргиро Татаки¹⁵.

Что касается исследований, в которых затронуты те или иные проблемы и события, имевшие место в Греции и Македонии в конце III в., то прежде всего следует назвать общие труды, посвященные эпохе эллинизма – произведения В. Тарна, А. Б. Рановича, П. Левека, Б. Низе, П. Клозе, М. Олло, М. Кэри и др.¹⁶

Иной тип исследований представляют собой работы, посвященные различным проблемам античной истории, в которых так или иначе затрагиваются некоторые аспекты двух первых войн Филиппа. Поскольку в нашем исследовании разбираются военные действия, то в диссертации использовались труды по военному делу эпохи эллинизма. В частности, М. Хадзопулос – один из ведущих специалистов в области истории древней Македонии в 2001 г. опубликовал книгу «Организация македонской армии при Антигонидях»¹⁷ – первое специальное монографическое исследование по этой теме. Ранее данной тематике посвящались небольшие разделы в монографиях Ф. Уолбэнка о Филиппе V и С. Ле Бок об Антигоне Досоне¹⁸. Некоторые вопросы, связанные с вооруженными силами Антигонидов, затрагивались в труде М. Лоней¹⁹.

¹⁴ *Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1–2. ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ 22. Athens, 1996.*

¹⁵ *Tataki A. B. A Medusa of Beroea: a historical interpretation // Ποικίλα (Μελετήματα 10). Αθήνα, 1990. P. 247–265; Tataki A. B. New elements for the society of Beroea // Ancient Macedonia. Sixth international symposium. Vol. 2. 1999. P. 1115–1125.*

¹⁶ *Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950; Левек П. Эллинистический мир / Пер. с франц. Е. П. Чиковой. М., 1989; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949; Niese B. Op. cit. Т. 2. Gotha, 1899; Tarn W. W. The Greek Leagues and Macedonia. P. 732–768; Tarn W. W. Macedonia and Greece // САН. Vol. 7. 1928. P. 197–223; Holleaux M. Rome, la Grèce et les monarchies...; Cary M. A history of the Greek World... L., 1932; Klose, P. Die völkerrechtliche Ordnung der hellenistischen Staatenwelt in der Zeit von 280 bis 168 v. Chr. München, 1972.*

¹⁷ *Hatzopoulos M. B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides... Athènes, 2001.*

¹⁸ *Walbank F. W. Philip V of Macedon. 1940. P. 387–394; Le Bohec S. Antigone Doson, roi de Macédoine. Nancy, 1993. P. 289–321.*

¹⁹ *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1. P., 1949. P. 287–365.*

Еще одну группу исследований составляют труды, посвященные Эллинским лигам 338, 302 и 224 гг., образованным под эгидой Македонии²⁰. Одна из центральных проблем темы этих произведений касается характера договора 338 г. между греками и македонцами. В зависимости от того, как решается этот вопрос, исследователи делают выводы и о характере союзных договоров более позднего периода, в частности о договоре лиги 224 г.

В ряде работ исследуются социальные проблемы в греческих государствах III в. Труды, посвященные социальным реформам, проведенным в Спарте Агисом и Клеоменом²¹, отражают неоднозначный подход исследователей к внутренним событиям в этом государстве и его внешнеполитическим акциям.

Нельзя обойти вниманием и труды, посвященные Этолийскому и Ахейскому союзу – основным участникам данного конфликта, а также федеративному движению в целом. Из современных авторов следует назвать С. К. Сизова, внесшего существенный вклад в разработку вопроса о характере федеративного движения в Греции в период его самостоятельного развития, без контроля извне²². К сожалению, период после 224 г. в его трудах подробно не рассматривается. Из зарубежных исследователей нужно отметить фундаментальные работы Дж. Ларсена²³.

Естественно, в диссертации использовались и работы, затрагивающие первые контакты греческого мира с римлянами²⁴.

²⁰ Кондратьев М. А. Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV века до н. э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42; Самохина Г. С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н. э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 104–119; Фролов Э. Д. Коринфский конгресс 338/7 г. до н. э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62; Фролов Э. Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // Античная Греция. Т. 2. М., 1983. С. 157–207; Hammond N.G., Griffith G.T. A history of Macedonia. Vol. 2. Oxford, 1979; Hammond N. G., Walbank F. W. A history of Macedonia. Vol. 3.; Jehne M. Koine Eirene: Untersuchungen zu den Befriedungs- und Stabilisierungsbemühungen in der griechischen Poliswelt des 4. Jahrhunderts v. Chr. Stuttgart, 1994; Larsen J. A. O. Representative government in Greek and Roman history. Berkeley–Los Angeles, 1956; Perlman S. Greek diplomatic tradition and the Corinthian league of Philip of Makedon // Historia. Bd. 34. 1985. P. 153–174; Ryder T. T. B. Koine Eirene. General Peace and Local Independence in Ancient Greece. Oxford, 1965; Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // SB Berlin. Abh. 18. 1922. S. 97–118; Wilcken U. Beiträge zur Geschichte... S. 1–40; Ferguson W. S. Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League // Hesperia. Vol. 17. № 2. 1948. P. 112–133.

²¹ Shimron B. Late Sparta. The Spartan revolution 243–146 B.C. Buffalo, 1972; Shimron B. The Spartan Polity after the Defeat of Cleomenes III // The Classical Quarterly. Vol. 14. № 2. 1964. P. 232–239; Oliva P. Sparta and her Social Problems. Prague, 1971; Fuks A. Agis, Kleomenes and Equality // Classical Philology. Vol. 57. № 3. 1962. P. 161–166; Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus in ihren Staats- und volkerrechtlichen Beziehungen. Leipzig, 1937; Walbank F. W. A historical commentary on Polybios. Vol. 1; Errington R. M. A history of Macedonia. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1990.

²² Сизов С. К. Ахейский союз. М., 1989; Сизов С. К. Федеративное государство эллинистической Греции: Этолийский союз. Новгород, 1990.

²³ Larsen J. A. O. Greek Federal States. Their Institutions and History. Oxford, 1968.

²⁴ Канцеев В. И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220 – 146 гг. до н. э. М., 1993; Беликов А. П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контак-

Таким образом, хотя различные аспекты нашей темы затрагивались как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, тем не менее научная новизна диссертации состоит в том, что впервые все мероприятия Филиппа V в Греции в конце III в. рассмотрены в рамках концепции Общего Мира, что позволяет выявить отличие его политики в отношении греков от политики его предшественников и показать существование реальной возможности греко-македонской интеграции. Кроме того, работа представляет собой не изложение политических событий в хронологической последовательности, а анализ целей и устремлений македонской политики, компромиссным результатом которой стало образование Эллинской лиги 224 г. В диссертации анализируются вопросы, которые либо вообще не рассматривались детально в научной литературе, либо рассматривались с иных позиций. Это касается планов завоевания Иллирии, установления новой системы контроля над Грецией, выявления общих черт в отношениях между центральной властью и полисами в греческих федерациях и в Македонии и т.д. Более того, по целому ряду частных проблем, затронутых в дискуссиях, автор диссертации приводит новые аргументы в защиту уже имеющихся в литературе точек зрения. Это относится, например, к вопросу о составе Эллинской лиги 224 г., о характере Коринфской лиги 338 г., об обязанностях и объеме полномочий должностных лиц союзов, об аутентичности речи Агелая, о датировке государственных переворотов в Мессении, о тактике Этолийского блока в ходе Союзнической войны, о вооруженных силах противников и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту, сводятся к следующим:

– Благодаря образованию Эллинской лиги 224 г. до н.э., основанной на договоре «Общего Мира», сложились предпосылки для интеграционных процессов в Греции, которые могли успешно осуществляться лишь при условии заинтересованности в единении не только греков, но и македонского царя, а также при условии признания эллинами авторитета царя Филиппа как гегемона лиги.

– Следует отказаться от сложившегося в историографии негативного образа македонского царя Филиппа V, созданного Полибием и некритически воспринятого в современной историографии. Филипп в первые годы царствования не следовал традиционной македонской политике в Греции, но предпочитал руководствоваться в своих действиях договором Общего Мира. При этом ему

тов. Ставрополь, 2003; *Errington R. M. Rome and Greece to 205 B.C. // CAH². Vol. 8. 1989. P. 81–106; Hammond N. G. Illyris, Rome and Macedon in 229–205 B.C. // JHS. Vol. 58. 1968. P. 1–21; Fine J. Macedonia, Illyria and Rome, 220–219 B.C. // JRS. Vol. 26. 1936. P. 24–39; Gruen E. S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1–2. Berkeley– Los Angeles–L., 1984.*

удалось создать реальную сферу влияния в Пелопоннесе уже в ходе Союзнической войны, и своей ближайшей политической задачей после войны македонский царь ставил уменьшение влияния стратега Ахейского союза Арата на союзников и различными средствами пытался предстать перед эллинами борцом за общегреческие интересы, выступая в рамках Эллинской лиги как лидер в борьбе с «общими врагами» – этолийцами, Скердилаидом, спартанцами.

– Для укрепления своего авторитета и для обеспечения поддержки элиты греческих городов царь участвовал в подавлении социальных движений в государствах Греции. В этом направлении своей политики Филипп V, опиравшийся на верхушку греческих городов, остался верен курсу своих предшественников. В борьбе с социальными движениями он также использовал статьи Общего Мира, позволявшие опираться на военную силу для предотвращения социальных волнений. Однако в случае с социальным движением в Спарте и Мессении попытка царя стабилизировать состояние общества потерпела неудачу.

– Вопреки распространенной точке зрения, Иллирию не следует рассматривать как объект македонской агрессии, поскольку действия против иллирийского династа Скердилаида и стремление контролировать Аполлонию были составной частью так называемой «морской программы» Филиппа, а утверждение на иллирийском побережье способствовало укреплению системы контроля за Грецией. Создавая новую систему контроля, составными элементами которой были «стражи мира», гарнизоны и так называемые «оковы Греции», царь стремился закрепить в стратегически важных пунктах Греции и на морском побережье, что давало ему возможность быстрого реагирования как на социальные смуты, так и на враждебные акции любого потенциального противника. Но полностью реализовать свои замыслы Филиппу не удалось, хотя такая система, если бы она приняла законченный вид, могла бы способствовать интеграции полисов и федераций Эллады под эгидой Македонии.

– Филиппа нельзя считать простым подражателем Александра Великого; Филипп V воспринял и попытался реализовать отброшенную диадохами идею Александра о «слиянии народов», вложив в нее иное содержание, а именно добровольное и взаимовыгодное объединение большинства греков и македонян на Балканах в рамках Эллинского союза.

– Проведенный анализ позволяет пересмотреть существующую точку зрения на сущность и характер македонской монархии в эллинистический период. Можно утверждать, что во второй половине III в. до н.э. Македония испытала влияние федеративных идей, что, в частности, нашло выражение в образовании «союза македонян», объединения, напоминающего по своей структуре

и системе взаимоотношений между центральной властью и отдельными полисами греческий койнон. Характерные для федеративного типа эллинистических государств элементы управления возникли в Македонии после реформ Гоната и Досона.

– Теоретически возможное сплочение Греции в едином государственном образовании под главенством эллинистического монарха на практике так и не было реализовано, прежде всего в силу исконного греческого сепаратизма и партикуляризма, недалёковидности и личных мотивов многих греческих политиков. В сущности, Филиппу V не удалось найти удовлетворительное решение для старых бед Греции и остановить натиск Рима. В существующих исторических условиях македонский царь Филипп V не мог пойти по римскому варианту фактического завоевания Эллады и интегрировать ее в состав своего царства в качестве подвластной территории наподобие римских провинций.

Практическая значимость работы состоит в том, что собранный в диссертации материал и выводы могут быть использованы научными работниками, изучающими историю эллинизма, а также в преподавательской работе, при чтении общих и специальных курсов, проведении спецсеминаров и в других видах учебной работы по истории Греции и Македонии эллинистической эпохи.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Основные положения работы нашли свое отражение в публикациях – монографии, ряде статей и тезисов докладов. Различные аспекты и проблемы, поднятые в исследовании, обсуждались на научных конференциях, в которых автор принимала участие: на Жебелевских чтениях в СПбГУ (Санкт-Петербург, 2000, 2005, 2007 гг.), на курсах повышения квалификации «Актуальные проблемы изучения и преподавания античной истории и классической археологии» в ИВИ РАН (Москва, 2006 г.), на чтениях памяти профессора Н.П. Соколова (Н.Новгород, 2000, 2002, 2004, 2006, 2008 гг.), на чтениях памяти профессора С.И. Архангельского (Н.Новгород, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009 гг.), на чтениях памяти Н. А. Добролюбова (Н.Новгород, 2007, 2008 гг.).

Структура диссертации. Диссертационное сочинение состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и десяти приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование темы исследования, объясняется ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи исследования, обозначается ее методологическая основа, хронологические и географические рамки, дается характеристика источниковой базы исследования и анализируется степень изученности темы в научной литературе.

Первая глава диссертации – «Эллинская лига 224 г. до н.э.» посвящена восстановлению и анализу основных условий договора, заключенного при образовании союза Антигона Досона с греками, и определению характера лиги. Поэтому *первый параграф «Опыт договоров об Общем Мире конца IV в. до н.э.»* содержит исследование союзов, предшествовавших лиге 224 г. и имеющих с ней много сходных черт в структуре и организации. Союзы возглавлялись гегемоном, в роли которого выступал македонский царь. На время его отсутствия предусматривалась должность заместителя гегемона, который, по всей вероятности, носил титул «стратега, оставленного царем на страже общего дела». В распоряжении гегемона и стратега находились так называемые «стражи мира». Низшую ступень в союзах занимали секретари и служители, функции которых были связаны с публикацией и хранением документов лиги. Помимо должностных лиц в союзах существовал представительный орган – синедрион или общий совет, в который союзники посылали своих представителей. Система представительства в пропорции к количеству населения, по всей вероятности, была введена в 338 г. и сохранялась в последующих объединениях.

Филипп II создал новую систему отношений с греками, которая была закреплена на общезллинском конгрессе в Коринфе. Члены лиги формально были равноправны, им гарантировалась свобода и автономия; хотя в четырех полисах оставались македонские гарнизоны, сами греки не рассматривали это как ущемление своей свободы, так как подобные меры и в прежние времена практиковались неоднократно. Участникам союза запрещалось ниспровергать существующий государственный строй, что закрепляло у власти сторонников Македонии, изгнанникам запрещалось предпринимать военные походы против полисов. Гарантией от социальных потрясений должно было служить запрещение отмены долгов, передела земли, конфискации имущества. Эллинам гарантировалась свобода мореплавания. Участники договора были обязаны поставлять отряды воинов и корабли в союзное войско. Эти решения выглядели как совместный акт македонского царя и всех эллинов, хотя на самом деле конгресс дал юридическую санкцию тем изменениям, которые произошли по воле Филиппа.

Чтобы стать приемлемым для греков предводителем, Филипп предпочел использовать эллинские традиции межгосударственных отношений, а не навязывать грекам свое монархическое правление.

Самый дискуссионный вопрос этого параграфа – о характере союза 338 г. для более объективного исследования следует решать, исходя не только из самих условий договора, среди которых можно выделить характерные и для договоров о симмахии, и для договоров Общего Мира черты, но и из характера дипломатии Филиппа в целом. Симмахии, вероятно, были более традиционны в греческом мире, а договоры Общего Мира, известные ранее, не оправдали себя, так как внутренний мир в Греции даже после них не соблюдался. Филипп использовал и традиционный тип договоров, и опыт договоров Общего Мира. При этом, он не стал заключать с греками два отдельных договора: об Общем Мире и о военном союзе, так как два договора потребовали бы более разветвленной структуры, чем та, о которой мы знаем. Филипп, который, как он уже не раз доказывал, был хорошим дипломатом, не стал сам создавать условия для возможных споров и разногласий. Он нашел более простой выход: соединил два договора воедино, тем более, что некоторые условия в обоих договорах были достаточно похожи и уже отчасти использовались в договорах более раннего времени.

Восстановление Коринфской лиги произошло в 302 г. по инициативе Антигона Одноглазого и его сына Деметрия Полиоркета, которые хотели сделать греков своими союзниками в борьбе с другими диадохами. Греки охотно пошли на заключение этого союза, который должен был гарантировать им мир, так как борьба в Греции не прекращалась со смерти Александра, при чем не только между диадохами, использовавшими Элладу как арену для боевых действий, но и внутри полисов. Кроме того, греки рассчитывали на более равноправное сотрудничество, чем в лиге 338 г., так как они не только не были покорены, как во времена Филиппа, но и понимали, насколько важна их поддержка для самого Антигона. Характерно, что в договор лиги также были включены некоторые статьи из договоров «Общего Мира», которые были призваны гарантировать мир и стабильность в Греции, что делало этот союз более устойчивым и привлекательным для греков. Союзная организация, на первый взгляд, идентична организации лиги Филиппа. Однако Деметрий не обладал той властью, которой располагал Филипп. Это наложило отпечаток на все институты лиги. Если за период с 338 по 323 гг. фактически не было принято синедрионом ни одного неугодного Филиппу или Александру решения, то в 302 г. Деметрий не имел возможности диктовать свою волю синедриону. В целом, заключение этого

союза было вынужденным шагом со стороны Антигона и Деметрия. Они, видимо, не имели намерения сохранять союзнические отношения с греками в последующие годы, о чем свидетельствует некоторое изменение в политике Полиоркета по отношению к грекам. Но именно эта слишком быстрая перемена стала его ошибкой, после поражения Антигона и Деметрия при Ипсе в 301 г. союз, фактически, прекратил существование. Поэтому, все действия Деметрия после Ипса уже не стоит относить к деятельности гегемона Эллинского союза.

Второй параграф «Восстановление македонской гегемонии в Греции в конце III в. до н.э.» содержит описание политической ситуации в Элладе, сложившейся к концу III в. и условия, повлиявшие на образование лиги в 224 г. Македонские правители до 224 г. предпочитали использовать «силовые» методы во взаимоотношениях с греками, но управление Грецией с помощью тиранов и гарнизонов привело к обратному результату. Тираны восстановили против Антигонидов имущую верхушку полисов, которая прежде была готова сотрудничать с Македонией для укрепления своих позиций на родине. Держась у власти с помощью наемников и поддержки извне, тираны вынуждены были искать себе сторонников в низших слоях населения, что представляло реальную угрозу не только власти, но и самой жизни наиболее богатых и влиятельных граждан. В конечном счете, распространение таких режимов под эгидой Македонии подтолкнуло состоятельную верхушку государств к борьбе против Антигонидов.

Вторая половина III в. принесла Балканской Греции лишь несколько мирных лет; одна коалиционная война практически сразу сменяла другую. В столкновения были вовлечены все государства за исключением Афин, которым удалось сохранить нейтралитет в конфликтах того периода. При этом освободительное движение против македонского засилья переплеталось с получением финансовых субсидий от египетского правителя, борьба за социальные преобразования сопутствовала политическому соперничеству между государствами.

В III в. в Греции образовались крупнейшие федерации– Этолийский и Ахейский союзы, совместными усилиями которых к началу 20-х гг. III в. Греция почти полностью была освобождена от македонского господства. Однако единение греков в Деметриевой войне (239–229 гг.) было временным. Ахейская и Этолийская лига могли далеко продвинуться в деле объединения Греции, если бы они сотрудничали в течение длительного времени вместо того, чтобы враждовать друг с другом. Хотя цели союзников в существенных пунктах отличались, но достичь их можно было тогда лишь ценой заметного ослабления Македонии, и антимакедонский альянс был тем общим знаменателем, который

соединял и сплавивал партнеров. Но как только угроза северного вмешательства была ликвидирована, на первый план вышли внутренние противоречия между имущими и неимущими слоями населения, усугубившиеся соперничеством государств за гегемонию и обращением за помощью к другим державам.

Начавшаяся в 229 г. так называемая Клеоменова война между Ахейским союзом и Спартой предоставила македонянам новый шанс вмешаться в греческие дела. Ахейцы, не имея возможности самостоятельно справиться с Клеоменом, заключили союз с македонским царем Антигоном Досоном. В 224 г. была создана Эллинская лига, в которую вошли Македония, Ахейский союз, Беотия и ряд других государств. Единого списка членов нового союза в источниках нет, более того, в 224 г. лига была сформирована не в том составе, в котором она участвовала четыре года спустя в Союзнической войне, так как некоторые члены Эллинской лиги вступили в нее позднее.

Включая в себя ряд новшеств, в целом условия договора были сходны с принципами, на которых основывались прежние союзы под эгидой Македонии. Например, условие сохранения конституций присутствовало в договоре, но нельзя с уверенностью утверждать, что оно повсеместно ставило у власти именно сторонников Македонии. Уже в то время это условие начало терять свое первоначальное значение для македонского царя, а в союзе 224 г. оно не приносило никакой выгоды Македонии и лишь закрепляло те формы правления, которые существовали в момент заключения договора с Македонией, какими бы они ни были. Понятие «автономии» также изменилось, превратившись фактически в пропагандистский лозунг. В союзе 224 г., так же как в предшествовавших союзах, условие, запрещающее введение в города гарнизонов, соблюдалось не полностью. Македонские гарнизоны, по традиции, находились в стратегически важных пунктах Греции. Установление их не следует считать нарушением автономии полисов, во многих случаях именно гарнизоны были гарантами Общего Мира в Греции. Между участниками союза, а также против македонского царя запрещались военные действия. Важнейшим условием явилось запрещение союзникам вести самостоятельную внешнюю политику, хотя, возможно, что союзникам позволялись отдельные внешнеполитические акции до тех пор, пока они не мешали интересам лиги в целом. Новшеством в договоре Антигона Досона с греками является необходимость ратификации принятых синедрионом решений.

Любопытно также, что хотя была заключена *συνδικαία*, Полибий упомянул и общезэллинский мир – *κοινὴ ἐιρήνη* (IV. 3. 8). Симмахия была необходима для завершения Клеоменовой войны, но позднее гораздо более важными и для

македонян, и для греческих союзников стали статьи, посвященные Общему Миру. Именно их интерпретация, а также союзная организация лиги позволила лидерам ведущих государств добиваться поставленных целей.

В третьем параграфе – «Союзная организация Эллинской лиги 224 г.» – анализируются взаимоотношения между центральной властью союза и отдельными членами лиги; кроме того, проводится сопоставление с союзными организациями IV в. Участники лиги 224 г. обладали намного большей независимостью по отношению к центральной власти. Если в союзе Филиппа II Македония была представлена только царем, который в заседании синедриона не участвовал – он мог оказаться на нем только выступая с проектом предложения, и этого было вполне достаточно, так как синедрион ни разу не принял неугодного македонскому царю решения, то в 224 г. македонскому царю потребовалось ввести в синедрион не только представителей Македонии, но даже представителей Фессалии, которая давно была подвластна македонянам. При этом синедрион обрел реальную власть, которой не было в союзе 338 г. В положении гегемона также произошли изменения по сравнению с той ролью, которую он играл в союзе Филиппа II. Они проявились уже в союзе 302 г., когда Деметрий для усиления своих позиций был вынужден обратить свое внимание на институт проедров – председателей синедриона. Деметрий предпочел сам назначать проедров на весь период военных действий, чтобы обезопасить себя от неугодных решений синедриона. В союзе 224 г. необходимость придавать такое значение председателям синедриона по-прежнему существовала, однако даже такие меры не могли уже обезопасить гегемона, поэтому предпочтение было отдано усилению другого института лиги – «стражам мира». Их роль была значительна уже в союзе Филиппа II, поскольку на них была возложена обязанность следить за греческими государствами и предотвращать все попытки государственных переворотов. Такие функции возлагались лишь на македонских офицеров, которым предоставляли неограниченные полномочия для выполнения той или иной задачи. Но для того, чтобы эти офицеры не могли злоупотребить данной им властью, было предусмотрено, что такое значение они приобретали только на время выполнения задания. Не существовало какого-либо постоянного комитета «стражей», эту должность мог занять любой македонский офицер. В лиге 224 г. «страж мира», сохраняя те же функции, обрел постоянное местопребывание. Более того, теперь он назначался не для выполнения одной операции, а постоянно. Поэтому изменился титул «стражей». В союзе 338 г. они назывались «поставленными для общей стражи», в союзе 224 г. Таврион носил титул «царского уполномоченного по делам в Пелопоннесе». Источники не

упоминают о других «стражах», однако нам известен наместник Фокиды – Александр (Polyb. V. 96. 4), занявший свою должность в ходе Союзнической войны 220–217 гг. Параллель в положении Фокиды и Спарты очевидна, что наводит на мысль о существовании еще одного «стража мира», к которому могли обращаться за помощью наместники из государств Средней Греции в случае серьезной угрозы македонскому влиянию в этом регионе.

Четвертый параграф «Конец Клеоменовой войны и гибель Антигоан Досона» освещает окончание Клеоменовой войны и содержит характеристику устремлений создателей Эллинской лиги после 222 г. После образования Эллинской лиги ахейско-спартанская война превратилась фактически в македонско-спартанскую. Общее руководство военными действиями союзников перешло к Антигону как гегемону лиги. Политическая обстановка в Пелопоннесе резко изменилась. Решающее сражение произошло при Селассии в 222 г., закончившееся разгромом спартанских сил. Вскоре после этого Антигон скончался, а македонский трон занял молодой царь Филипп V.

Естественно, пока шла Клеоменова война антиспартанский характер лиги был очевиден. Однако после разгрома Спарты союз не прекратил своего существования. С инициативой его расторжения не выступили ни Македония, ни Ахейский союз. В связи с этим закономерен вопрос: против кого же теперь была направлена эта симмахия? Можно указать, что при создании лиги Ахейский союз в первую очередь учитывал свои собственные интересы. Рано или поздно ахейцы должны были столкнуться с притязаниями Этолийского союза на влияние в Пелопоннесе. Ахейский стратег Арат стремился расширить федерацию как можно больше, причем любыми средствами, даже нарушая международное право. При этом Арат видел в альянсе с Македонией реальную возможность получить помощь в предстоящей войне с Этолией. Но после победы в 222 г. над Спартой ахейцам потребовалось немало времени, чтобы поправить свои пошатнувшиеся позиции. Более того, ослабленные из-за потерь в ходе войны они сами легко могли стать объектом агрессии со стороны этолийцев. Скорее всего, их мысли в этот момент склонялись к миру.

Версия об антиримском характере лиги с самого начала существования союза 224 г. сомнительна. В 20-х гг. III в. интересы Рима были направлены, главным образом, на юг Средиземноморья, а в отношении Греции римляне не предпринимали ничего, что могло создать какой-то повод к войне. Македония для Рима не представляла опасности, поскольку ее силы были незначительны. Ни македонский царь, ни Арат не могли заглядывать в отдаленное будущее, предвидеть начало агрессии Рима и задумать лигу как организацию для оборо-

ны против римлян. Тем более что внутри Греции стабильности по-прежнему не было, это обстоятельство не давало возможности ни ахейцам, ни македонянам отвлекаться от внутригреческих проблем. Но из этого положения не следует и вывод о том, что Антигон Досон уже в 222 г. начал планировать войну против Этолии. Для царя цель союза была достигнута: Клеомен был разгромлен, а македоняне получили доступ в Грецию. Совершенно неправомерно думать, что Досон нацеливался на продолжительную экспансию в регионе или ясно представлял, как далеко он хотел зайти и какую степень контроля установить. Ближайшей задачей, стоящей перед ним, было закрепление достигнутого результата. Однако эту цель пришлось реализовывать уже другому македонскому правителю.

Пятый параграф «Два «мирных» года в начале правления Филиппа V» охватывает период с 222 по 220 гг. В нем исследуется обстановка накануне войны, выясняются причины, приведшие к началу боевых действий, выясняется заинтересованность царя в сохранении мира. Традиционно считается, что при Филиппе македонский диктат принял жесткие формы. Но, на наш взгляд, не следует отделять политику Филиппа V от линии его предшественника и указывать на тот факт, что ситуация несколько изменилась после смерти Антигона. Можно ли говорить о явном стремлении нового царя к войне? Едва ли. В первое время он все же должен был думать скорее об удержании в Греции уже достигнутых позиций, чем о новых завоеваниях. Война затевалась Ахейским и Этолийским союзами, а Филипп вступил в нее в силу союзнических обязательств. Его планы расширения своего влияния в Греции опирались на мирные средства; большая война могла привести к опасным и непредсказуемым результатам. Обвинения в адрес Филиппа в развязывании Союзнической войны с целью реализации своих планов лишены основания; Филипп не был заинтересован в том, чтобы выглядеть агрессором в глазах греков. Такая репутация не соответствовала имиджу предводителя греческого союза. Свои планы Антигон Досон (а затем и Филипп V) предпочитал реализовывать, опираясь на статьи Общего Мира.

Согласно Полибию (IV. 3. 1 sqq.), в развязывании военных действий виновны одни этолийцы. Благодаря дипломатическому искусству ахейского стратега Арата Мессения в 220 г. порвала союзнические отношения с этолийцами и вошла в состав Эллинской лиги. Этолийцы расценили это событие как *casus belli* и начали военные действия против лиги. Действительно, после образования Эллинской лиги 224 г. баланс сил в Греции изменился не в пользу Этолии. Она была полностью окружена землями враждебного альянса. Начавшееся

сближение между Мессенией и давним соперником Этолии угрожало еще большим ослаблением позиций этолийцев и в Пелопоннесе, и на международной арене, что должно было вызвать попытку предотвращения ахейско-мессенского союза. Однако, хотя боевые действия начала Этолия, фактически война была спровоцирована ахейским стратегом Аратом. Имея влияние на молодого македонского царя Филиппа V, Арат надеялся одолеть старого соперника – Этолийский союз, используя мощь всей Эллинской лиги и, в первую очередь, Македонии. Для того, чтобы втянуть в войну всю лигу, Арату было необходимо выглядеть в глазах союзников защитником оскорбленной стороны, в данном случае – мессенцев. А Филипп был вынужден вмешаться в греческие дела согласно условию договора лиги, которое обязывало его помочь подвергшемуся нападению союзнику.

Лидеры военной партии в Этолии недооценили и Арата, и молодого македонского царя. Они исходили из ошибочного предположения, что Филипп слишком молод и не вмешается в греческие дела, а без поддержки Македонии образованная в 224 г. лига будет бездействовать. Начавшиеся вскоре этолийские вторжения, возможно, как следствие этого утверждения, имели целью испытание прочности Эллинской лиги. Два дерзких рейда этолийцев в Пелопоннес в 220 г. до н.э., один из которых закончился сражением при Кафиях и поражением ахейцев, а второй – разгромом Кинефы, сделали невозможным урегулирование конфликта мирным путем.

После битвы при Кафиях этолийцы, понимая близость войны, стремились всеми силами ослабить позиции противника в Пелопоннесе. Отчасти им это удалось. Элида была давним союзником Этолии, также как и Фигалея. Мессения, перешедшая на сторону Эллинской лиги, была напугана вторжением Доримаха и разгромом ахейцев при Кафиях до такой степени, что не посмела провозгласить войну Этолийскому союзу. Арату пришлось приложить много усилий, вплоть до государственного переворота в Мессении, чтобы заставить граждан изменить позицию. Спарта, потерпевшая поражение в Клеоменовой войне, начала переговоры с этолийцами и была готова выступить на их стороне. Таким образом, этолийские набеги накануне войны вовсе не выглядят очередной авантюрой. Напротив, эти акции были хорошо продуманы и организованы. С другой стороны, на заседании синедров в Коринфе было принято ожидаемое Аратом решение об объявлении войны Этолийскому союзу, в которую, согласно его замыслу, вступал не один Ахейский союз, а вся Эллинская лига.

Вторая глава «Союзническая война 220–217 гг. до н.э. – война за Общий Мир» посвящена подробному разбору военных действий, выяснению соотно-

шения сил противников и тактики воюющих сторон. Глава содержит определенный пересмотр сложившихся в антиковедческой науке взглядов на роль Филиппа V в этой войне, на политические и личные мотивы, которыми руководствовался македонский царь.

Война с самого начала приняла затяжной характер, обусловленный традиционной этолийской тактикой нанесения отдельных ударов по врагу. Ахейцы возложили основную тяжесть военного бремени на Македонию. Однако силы последней были рассчитаны, скорее, на проведение решающего генерального сражения, от которого этолийцы весьма успешно уклонялись. В результате вся война распалась на ряд локальных кампаний, причем совместные действия союзников зафиксированы лишь для отдельных операций. Тактика Македонии в первый год войны заключалась в постепенном продвижении македонских сил по западным областям Греции и закреплении их в стратегически важных районах. К числу достижений этого периода относится приобретение Эниад – крупного порта, из которого можно было контролировать северное побережье Коринфского залива. Осторожная тактика Филиппа в этот период объясняется неуверенностью царя в себе, он впервые самостоятельно командовал столь серьезными силами. Начиная со следующей кампании македонский царь показал себя талантливым полководцем, способным трезво оценивать возможности своей армии в каждой конкретной ситуации. Самым неожиданным и удачным предприятием стал поход в 218 г. на Ферм – этолийский союзный центр. Все македонские вторжения в Этолию в прежние годы были неудачными. Филипп столь мастерски провел эту операцию, что этолийцы были готовы пойти на заключение мира и отказались от этой мысли лишь из-за дворцовых интриг и смут при дворе македонского царя, которые внушили им определенные надежды. Можно утверждать, что в этой войне Филипп весьма успешно подражал Александру Македонскому, не уступая ему в отдельных случаях ни в скорости передвижения, ни во внезапности удара, ни в использовании отвлекающих маневров, что обусловило удачу практически всех его начинаний.

Однако перед Александром и Филиппом V задачи стояли разные. Если Александр стремился сокрушить Персидскую державу, то Филипп не ставил целью уничтожение враждебного государства. Чтобы сломить мощную федерацию, нужны были иные силы, чем те, что имелись в распоряжении Македонии и ее союзников. Греки имели множество территориальных претензий к Этолии, однако приобретения эллинских союзников были скромными. Частичный успех в немалой степени был обусловлен прочностью Этолийской федерации. Целью же македонского царя Филиппа, в отличие от ахейского стратега,

стало принуждение этолийцев к соблюдению Общего Мира в Греции. Этот договор подразумевал отказ от традиционной практики пиратских рейдов этолийцев на земли других эллинов. Успех коалиции в войне и мирный договор, подписанный в 217 г. в Навпакте, не лишил Этолию независимости и не требовал вступления в Эллинскую лигу. Однако выполнение условий Общего Мира означало ослабление международных позиций Этолийской федерации и ставило под угрозу возможность удержания на ее стороне последних союзников. Таким образом, итогом войны следует считать не сохранение прежнего status quo, а готовность этолийцев соблюдать параграфы Общего Мира.

Третья глава «Социальные проблемы в Греции в конце III в. до н.э.» содержит исследование социальной ситуации, сложившейся к концу века, как в отдельных греческих полисах, так и в крупнейших федерациях, а также анализ социальной политики македонских правителей. *Первый параграф «Социальный фактор в политической борьбе в Греции в конце III в.»* посвящен изучению положения слоев общества и анализу социальных проблем, а также выяснению, каким образом политики III в. использовали эти проблемы в политической борьбе. Договор Коринфского союза, образованного македонским царем Филиппом II и греками включал следующие условия: «... пусть не применяются ни казни, ни изгнания вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрание в казну имущества, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов... (Ps.–Dem. XVII. 15). Хотя заключение договора между македонским царем и эллинами было итогом борьбы политической, а не социальной, тем не менее македонский правитель как в лиге 338 г., так и в 302 г. до н.э., выступал гарантом общественного порядка, и зажиточные круги полисов связывали с ним надежды на стабильное существование. Однако почти сорок лет борьбы диахов ухудшили положение в греческих полисах. Конфликты приносили опустошение территорий и изгнание политических противников. Население Греции уменьшилось из-за возраставшей эмиграции на Восток в новые экономические центры. Поэтому неудивительно, что процесс поляризации населения шел ускоренными темпами. Для улучшения положения беднейших слоев населения не было сделано ничего.

Социальные проблемы в конце III в. охватили все государства Греции; низкий уровень жизни, отсутствие резерва на случай неурожайных лет, спад экономики во время войн вынуждали земледельцев брать в долг. Греки постоянно были вынуждены решать проблему обезземеливания путем выведения колоний, завоеванием соседних территорий или, в крайнем случае, реформ. Сельская местность сильнее всего страдала от военных действий. На ней проходили

столкновения армий, враги забирали все продовольствие. Сезон войны – с конца весны по конец лета – это период созревания винограда и зерновых культур. Трудовое население отвлекалось от земли, кто-то призывался защищать родину, кто-то укрывался за городскими стенами. В дополнение к этому, рабы имели возможность бежать. Опустошения, производимые врагом, не были актом мести, это был запланированный удар по экономическим ресурсам противника. Поэтому почва для социального конфликта никогда не исчезала в греческих государствах.

Однако наблюдалось существенное отличие в том, в какую форму выливались эти проблемы в классический и эллинистический периоды. Суть отличия можно свести к следующему положению: в V–IV вв. кризисные ситуации, как правило, разрешались легитимными методами, социальный фактор не использовался как основной инструмент политической борьбы. Конец III в. характеризуется частым нарушением законности в греческих государствах, стремлением отдельных политиков захватить власть, манипулируя настроениями народных масс. Демос, по большей части, оставался инертным, легко поддавался управлению, был готов изъявлять преданность тому властителю, покровительства и милостей которого ожидал.

В годы Клеоменовой войны возрожденное спартанским царем мощное «милитаристское» государство едва не стерло Ахейскую федерацию с политической карты Греции. Кризис союза был вызван рядом причин, среди которых не последнюю роль играл социальный аспект. Характерен факт, что в ходе Клеоменовой войны беспрецедентная волна «революционного энтузиазма» охватила территорию Ахейской лиги. Однако представление о том, что Клеомену повсеместно помогала беднота, является слишком упрощенным. В каждом конкретном государстве сочетание усилий разных сил содействовали успехам Спарты. В ходе Союзнической войны внутренняя борьба в отдельных городах по-прежнему служила поводом для манипуляций в руках политиков. Примечательно, что сдерживающим фактором в сложившихся условиях могло стать лишь введение гарнизона.

Второй параграф «Социальные проблемы в Ахейской и в Этолийской федерациях» призван показать, что и в государствах такого типа поставленные проблемы не исчезли, они с полной силой проявлялись в кризисных ситуациях, как это случилось с Ахейским союзом в годы Клеоменовой войны, хотя еще в конце IV в. среди зажиточных собственников окончательно оформилось понимание того обстоятельства, что гарантировать автономию полиса и внутреннее спокойствие может только сильная поддержка извне. Иными словами, полис

мог поддерживать социальную стабильность только в составе более крупного государственного объединения.

Со времен войн диадохов, позиции социальных групп во внешней политике были довольно четкими и обычно демократические круги стояли за национальную независимость, а богатые искали опоры в Македонии. Но к середине III в. это положение претерпело изменения. Македонские цари не имели последовательной «социальной программы» и предпочитали контролировать Грецию с помощью тиранических режимов, что в конечном итоге настроило имущие слои на борьбу против Антигонидов. Успешные действия Ахейской и Этолийской федерации в Деметриевой войне привели к фактическому освобождению территории Греции от македонского влияния. Однако для неимущих слоев населения эта борьба «за свободу» не означала никаких перемен в их положении к лучшему, поэтому именно в этой среде могли зародиться надежды на улучшение своего положения с помощью внешней силы, будь то реформатор Клеомен или другой властитель.

Тем не менее, в Ахайте с ее стабильными консервативными режимами признаки социальных волнений неизвестны вплоть до римской эпохи. Не малое влияние на это оказало образование Эллинской лиги, после 224 г. социальный вопрос в Ахейском союзе потерял остроту. В договоре лиги существовала гарантия *πάτριος πολιτεία*, которая, косвенным образом, закрепляла у власти те правительственные круги, что существовали в государствах-участниках лиги на момент подписания договора. Фактически, граждане Ахейского союза извлекли экономические выгоды от образования Эллинской лиги. В новом объединении не существовало налогов, как это бывает при непосредственном подчинении монархии. Торгово-ремесленные круги получили возможность расширить контакты с другими полисами и наладить рынки сбыта, что сгладило остроту противоречий между полисами торговыми и сельскохозяйственными. Крупные землевладельцы могли не опасаться социальных потрясений, поскольку на страже Общего Мира стояли македонский гарнизоны. Примечательно, что в годы Союзнической войны не наблюдалось массового движения бедноты в городах-членах Эллинской лиги; нет свидетельств, чтобы полис открывал ворота врагу под влиянием идей «популяров».

Иначе обстояло дело с Этолийским союзом, который также не избежал социальных проблем. Этолия относится к тем областям, которые не осуществляли колонизацию. Поэтому население таких территорий обычно жило за счет войны: благодаря набегам или наемной службе. Этолийский союз оказался довольно прочным образованием, действовавшим в интересах зажиточной элиты,

но предоставлявшим рядовому населению возможность участвовать в набегах на земли противников. Такая политика союзных властей позволяла успешно избегать социальных волнений.

Перелом наступает в конце Клеоменовой войны, когда была образована Эллинская лига. Провозглашение Общего Мира ставит запрет на пиратские рейды этолийцев, что привело к отказу от традиционного пополнения средств существования и к недовольству простого населения. Попытка партии Скопаса и Доримаха изменить столь неблагоприятные для этолийцев условия послужили поводом к Союзнической войне. Однако военные действия привели к обратному результату. Приобретения первого года войны были перечеркнуты действиями македонского царя Филиппа в 218 г. Тяжелое экономическое положение, во многом ставшее следствием вторжения Филиппа, проявилось через несколько лет. По условиям договора, заключенного по окончании Союзнической войны, этолийцы обязались соблюдать Общий Мир, что означало новое прекращение грабительских рейдов и перекрывало мощный источник пополнения средств. Отражением этого кризиса стало обострение социальных отношений, возникновение социального брожения, которое развернулось под традиционными лозунгами отмены долгов.

Учитывая все выше сказанное, следует отметить, что в каждом государстве социальные проблемы переплетались с политическими и международными. А решение этих вопросов перестало быть внутренним делом государства, в возникавшие конфликты слишком часто вмешивались третьи силы.

Третий параграф «Обострение социальных противоречий и политическая нестабильность в греческих государствах Пелопоннеса в конце III в.» освещает социальную ситуацию в некоторых государствах-союзниках этих федераций. Данное сопоставление позволяет ответить на вопрос, аналогичным ли образом обстояли дела в социальном плане у союзников. Спарта выступала на стороне Этолийской федерации, она, так же как Этолия, испытала вторжение македонского царя. Мессения оказалась союзницей Ахейской лиги и вошла в Эллинский союз. В годы Союзнической войны мессенские земли подвергались нападению спартанцев. В отличие от обеих федераций, не знавших в 220–212 гг. серьезных социальных потрясений, Спарта и Мессения являются образцами внутренней нестабильности.

События, развернувшиеся в конце III в. в этих двух государствах, свидетельствуют не только о наличии внутренних, социальных проблем, но и о неспособности местных властей контролировать ситуацию. Причем можно говорить о прямой зависимости военных действий и обострении противоречий как

между политическими группировками, так и между социальными слоями. Эта нестабильность способствовала вмешательству во внутренние дела государств внешних сил, предлагавших свой план для разрешения возникших конфликтов. К вышесказанному следует добавить и попытки установления амбициозными лидерами режимов личной власти. Иными словами, в каждом государстве наблюдалось свое переплетение интересов, противоречий и требований, которое было обусловлено не приверженностью к определенному политическому режиму, не выступлением на той или иной стороне в войне, а конкретными историческими условиями. Пример Спарты и Мессении показателен в том плане, что он свидетельствует о неудаче македонского царя в попытке стабилизировать состояние общества. Оба государства оказались в стане врагов Македонии в римско-македонских войнах. Причина провала идей Общего Мира кроется отчасти и в социальной политике Филиппа.

Четвертый параграф «Социальная опора Филиппа V в Греции» опровергает мнение некоторых исследователей, утверждавших, что Филипп V отказался от социальной политики своих предшественников и поддерживал низы общества. В параграфе анализируются несколько инцидентов – путч Хилона в Спарте в 219 г., заговор Апеллеса в 218 г., революция в Мессении в 216 г., волнения в Беотии после 213 г., поведение царя в Аргосе в 209 г., переворот в Киосе в 202 г. и осада Хиоса в том же году. Ни один из рассмотренных эпизодов не может служить доказательством изменений в социальной политике Филиппа в Греции.

В сущности, Филипп V остался верен курсу своих предшественников и опирался на зажиточные круги греческих государств. Выбранная политика дополнялась также использованием Общего Мира для предотвращения каких-либо социальных потрясений. Следует обратить внимание на ситуацию в Беотии: примечательно то, что внутренние смуты в ней начались после 213 г., то есть фактически после начала первой римско-македонской войны, когда Общий Мир был нарушен. Таким образом, за несколько мирных лет до вмешательства римлян македонский правитель действительно добился гражданского мира в государствах-участниках Эллинской лиги.

Глава четвертая «Образование «империи зла» или последняя попытка греко-македонской интеграции» разбирает наиболее принципиальные для темы исследования вопросы. В первом параграфе – «Иллирия как объект македонской агрессии» – анализируется политика Рима и Македонии в Иллирии, приведшая к римско-македонскому конфликту. Поскольку события, развивавшиеся в Иллирии, имели довольно сложный характер, в данном параграфе римско-

иллирийские контакты рассмотрены отдельно от македоно-иллирийских проблем.

Считается, что первые действия римлян в Иллирии изначально были враждебны интересам Македонии. Оказав помощь жителям острова Иссы, который наряду с Фаром, Эпидамном и Керкирой был важным перевалочным пунктом в римской торговле, Рим выступил в роли защитника греков и заложил основы для дальнейшего сотрудничества с другими эллинскими городами. Однако недопустимо говорить, что при своем первом контакте с эллинистическим миром римляне уже разобрались во всех тонкостях греко-македонских отношений, а, следовательно, едва ли нужно придавать большое значение тому обстоятельству, что римские послы, побывав в некоторых городах Греции, не посетили Македонию. Следует помнить, что античная дипломатия имела довольно примитивную структуру внешних межгосударственных связей: дипломатические миссии носили эпизодический характер, отсутствовал институт постоянного представительства, система ведения переговоров основывалась на отстаивании позиций и требовании уступок. Можно с уверенностью говорить, что шаги, предпринятые сенатом после победы над иллирийцами, нельзя рассматривать как установление дипломатических отношений с врагами Македонии. Сенат не проявлял дальнейшего интереса к Иллирии до 219 г.

Следующий этап римско-иллирийских отношений связан с еще одним заинтересованным лицом в этом регионе – иллирийским династом Деметрием Фарским. Пользуясь начавшейся войной с Ганнибалом, Деметрий активно расширял свою сферу влияния. В результате его усилий к 220 г. к востоку от Италии появляется мощная, независимая, ненадежная и потенциально опасная сила на море. Столь оживленные действия иллирийцев вызывали в сенате серьезные опасения, что римляне могут быть вытеснены из Иллирии Деметрием; это обстоятельство могло стать причиной их решения напасть на него. Именно Деметрий был опасен Риму, а вовсе не македонское государство. Однако Деметрий был союзником македонского царя, и внешне его связи с македонским царским домом выглядели подозрительно и враждебно. Стоит также добавить, что две великие державы не могут жить долго в географической близости, не вызывая опасения друг у друга в собственной безопасности. Пока эти державы не вмешивались во внутренние дела друг друга, существовало равновесие сил. Неудивительно, что Рим и Македония игнорировали друг друга, находясь в состоянии «холодной войны», если воспользоваться современной терминологией. Но предоставление убежища Деметрию после разгрома и нежелание выдать его римлянам в 217 г., а также занятие Дассаретиды в борьбе против Скердилаида и

претензии на Аполлонию в следующем году – все эти шаги были расценены сенатом как акт открытой вражды.

Характеризуя македоно-иллирийских отношения, автор, прежде всего стремится ответить на вопрос, расценили ли македоняне действия римлян в Иллирии как агрессивные и наносящие ущерб их интересам. Македонские контакты с северными соседями были довольно сложными. С одной стороны, македонские цари часто нанимали иллирийцев на службу в армию. Но, с другой стороны, северные и северо-западные границы Македонии почти двести лет находились под постоянной угрозой нападения со стороны иллирийцев и дарданцев. Мнение некоторых исследователей о важности западных границ для Македонии и о действиях Рима, отрезавших ее от моря, явно преувеличено. Следует вспомнить хотя бы тот факт, что у Македонии во времена Досона не было сильного флота, способного контролировать западные воды. Что касается сухопутной как западной, так и северной границы, то для македонского царя она всегда была беспокойной, но это обстоятельство не позволяет говорить об Иллирии как о македонской сфере влияния. Сил для ее подчинения ни у одного македонского правителя не было. На наш взгляд, нет существенных причин для утверждения о возникших у македонского царя опасениях реальной угрозы со стороны римлян и желании создать военный союз против них. Интересы македонского царя в основном сосредотачивались на Греции, и война с Римом не могла содействовать его планам.

Столь же несостоятельна, на наш взгляд, версия о зародившихся у Филиппа V в ходе Союзнической войны под влиянием Деметрия Фарского планов вторжения в Италию. Цели Филиппа в отношении Иллирии в конце Союзнической войны не касались римлян. Его ближайшим действием становилась война со Скердилаидом, напавшим на земли западной Македонии. По замыслу царя, после Союзнической войной настало время перенести боевые операции из обессиленной и жаждавшей мира Греции в другой регион, но они должны были принести благо греческой торговле. Вероятно, фигура бывшего союзника лиги – иллирийского вождя Скердилаида – соответствовала этим планам: он запятнал себя грабежами, поэтому наказание его можно было представить как борьбу за греческие интересы. Осенью 217 г. царь отвоевал города Дассаретиды, Скердилаид был остановлен, но гораздо опаснее оказалось то, что Филипп теперь стал непосредственным соседом Рима. Возможность наступления македонян на запад впервые стала реальной. Летом 215 г. царь заключает союз с Ганнибалом, хотя это соглашение было скорее договором о дружбе, чем о военном наступа-

тельном союзе. В 214 г. Филипп осаждал Аполлонию, хотя и безуспешно, а в 213 г. захватил Лисс.

В 212 г. Рим перешел к более энергичным шагам на Балканах. Римляне заключили союз с Этолией, развязав таким образом первую римско-македонскую войну. Резонно возникает вопрос, почему именно в этот момент римляне начали действовать, почему не пять лет назад? Причина, вероятно, кроется в успехах Филиппа при взятии Лисса. Римляне не желали видеть в Адриатике новую силу. Таким образом, в разжигании римско-македонского конфликта иллирийский фактор сыграл немалую роль, но, в сущности, истоки противоречий между двумя державами древности лежат в несходстве римского и эллинистического менталитета.

Второй параграф «Морская программа Филиппа в Адриатике» раскрывает сущность западных планов македонского царя и поясняет причины провала завоевания иллирийского побережья. В ходе Союзнической войны Филипп впервые за много лет попытался осуществить кампанию на море, кроме того, он оценил преимущества мобильной переброски сил. Определенно, он должен был прийти к мысли, что флот – не обязательно в западных водах, а флот вообще – необходим для успешного ведения и мирных, и военных дел. В ходе боевых действий Филипп получил Эниады, открыв для себя западный путь в Пелопоннес через Амбракию и Акарнанию; подобный путь стал бы удачной альтернативой традиционной дороге через Фермопилы, которая в самый неподходящий момент легко блокировалась врагами македонян. Нужны были лишь удобная база и флот.

Тот факт, что македонские корабли оказались бы в Адриатике, вовсе не говорит об иллирийских и тем более италийских планах царя, хотя появление нового флота не осталось незамеченным римлянами. Целью македонского царя был разгром Этолии и пресечение действий этолийских пиратов, рейды которых вызвали Союзническую войну. Только военный флот мог гарантировать свободу мореплавания в регионе и создавать угрозу коммуникациям врага. Поэтому как гегемон лиги, в задачу которого входило обеспечение безопасности союзников, Филипп и начал осваивать морское пространство. После завершения Союзнической войны в Греции Филипп всю зиму 217/6 г. строил и оснащал флот. В 214 г. он осадил Аполлонию – крупный город на иллирийском побережье, но вмешательство римлян побудило его к отступлению, в результате которого Филипп потерял все корабли и вынужден был по суше вернуться в Македонию.

Столь явное стремление македонского царя к захвату Аполлонии не следует объяснять намерением Филиппа вытеснить римлян из Иллирии и установить собственный протекторат над ней. Контроль над западным побережьем был задуман, прежде всего, для защиты греческого населения от этолийских и иллирийских пиратов. Единственным удобным местом для базирования македонских кораблей на севере могли быть лишь Аполлония или Эпидамн. Выбор Аполлонии, вероятно, был обусловлен тем фактом, что из этого города в Македонию вела Эгнатиева дорога, в случае удачи Филипп связывал два морских порта (Аполлонию и Фессалонику) сухопутной дорогой, что должно было заинтересовать торговцев и приносить прибыль казне от транзита товаров. Кроме того, это давало возможность македонскому правителю быстро реагировать как на социальные смуты, так и на враждебные акции противника. Такая система безопасности, если бы она приняла законченный вид, могла стать эффективным инструментом в руках Филиппа для сплочения греков под эгидой Македонии.

Однако мероприятия Филиппа заняли довольно значительный отрезок времени, что объясняется несколькими причинами: македонский царь не имел возможности сосредоточиться лишь на восстановлении морской мощи Македонии, отвлекаясь на театры боевых действий; война, строительство кораблей и морских баз требовали значительных материальных затрат, а бюджет Македонии был гораздо скромнее, чем у других эллинистических государств. Кроме того, требовалось провести основательную пропагандистскую работу, не только подчеркивая те экономические и политические преимущества, которые греки извлекли бы из союза с Македонией и из созданных Филиппом морских баз, но и продемонстрировать свою «систему контроля» в действии. Однако никаких успешных операций по поимке пиратов проведено не было. А римляне увидели в планах царя стремление создать плацдарм для вторжения в Италию. Поэтому римская помощь Аполлонии положила конец морской программе Филиппа в западных водах.

Третий параграф «Первая римско-македонская война и ее влияние на греко-македонские отношения» посвящен описанию хода боевых действий, выяснению позиций воюющих сторон и определению последствий данного конфликта для греко-македонской интеграции. Считается, что первая римско-македонская война была следствием союза, заключенного Филиппом с Ганнибалом. Филипп за пять лет мира после Союзнической войны показал свою заинтересованность в иллирийских территориях и добился некоторых успехов. Македонский царь не ожидал римского сопротивления своим планам. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что македонцев удалось застать врасплох

при осаде Аполлонии. Иначе обстояло дело с римлянами. Рим, формально, рассматривал себя в состоянии войны с Македонией, однако открытию боевых действий мешала война с Ганнибалом. Поэтому римляне, когда их положение в Италии позволило заняться Грецией, заключили договор с Этолийской федерацией в расчете на то, что этолийцы отвлекут Филиппа от его амбициозных планов.

Военные действия этой войны шли не только на суше, но и на море. Значительной дипломатической удачей Филиппа был вывод из войны пергамского царя Аттала, союзника Рима. После нападения вифинского царя Прусия на Пергам, Филипп активизировал свои действия, вновь нанеся удар по Этолии. Весной 206 г. Этолия, разбитая и обескровленная, пошла на сепаратное соглашение с Филиппом. Римляне не оказали помощи своим союзникам. Совсем иначе складывались отношения Филиппа с участниками Эллинской лиги. В 209 г., когда в Македонии началось восстание, царь был вынужден уйти из Греции, хотя военный сезон еще не закончился. Но даже в условиях, когда ему могли потребоваться все силы для подавления смуты, он оставил союзникам солдат. Эллинский союз не распался в ходе этой войны.

Мир в Фенике в 205 г. стал итогом этой войны. Для римской республики мирные условия были вполне удовлетворительны. Они избавились от угрозы в заливе, хотя пожертвовали атинтанами и другими областями Иллирии. Сенат мог сосредоточить все силы на продолжавшейся войне с Ганнибалом. Таким образом, македонские позиции в Иллирии остались довольно прочными. Однако Филипп не выдвинул требования о протекторате над греческими городами Ионического залива, сохранявшими враждебность к Македонии. Адриатическое побережье царя интересовало в меньшей степени, чем прежде. Теперь его амбиции простирались в ином направлении – на Восток. Действия царя против Родоса и Пергама не касались греческих городов Балканского полуострова, Филипп вновь оберегал спокойствие Греции, ослабляя противников за пределами Балкан.

В четвертом параграфе – «Филипп V и Александр Македонский: подражание кумиру?» – проведены параллели биографий двух великих царей Македонии. Основной вопрос, который автор ставит в данном параграфе, – можно ли считать Филиппа слепым подражателем Александра или, при внешнем сходстве их жизненных ситуаций, сущность их деяний все же имела существенные отличия? Жизнь обоих правителей причудливым образом перекликается, они оказывались в сходных ситуациях, совершали похожие поступки; более того, Филипп, хотя принадлежал к другой династии, притязал на родство с Алексан-

дром. В историографии это породило дискуссию о матери предпоследнего царя Македонии, идентифицировать которую с уверенностью невозможно. Однако автор полагает, что ею все же была Фтия, внучка эпирского царя Пирра.

Как известно, на поведение человека влияют не столько гены, сколько социум, внешняя среда сильнее действует на формирующийся характер людей. Положение Филиппа при Досоне было столь же неопределенным, как и позиция Александра после женитьбы его отца на Клеопатре. Оба наследника получили традиционное для царя физическое и интеллектуальное образование, воспитываясь вместе с сыновьями знатных отцов в духе состязательности. Став царями в довольно юном возрасте, ни тот, ни другой не были восприняты всерьез греками. Личная жизнь царей также перекликается. Македонским войском было нелегко управлять, его преданность определялась лидерскими способностями полководца; личная отвага и полководческий талант проявились у обоих правителей с первых лет царствования. Неудачи Филиппа в столкновениях с римлянами не были следствием его тактических просчетов, это происходило в результате случайного стечения обстоятельств, неточных разведанных или человеческого фактора.

Нельзя не отметить в связи с военными предприятиями царей еще один момент – это стремление к мировому господству. Александр отправился в Восточный поход и завоевал Персидскую державу. Считается, что Филипп в 217 г., узнав о сражении римлян с Ганнибалом у Тразименского озера, торопился завершить Союзническую войну в Греции, чтобы развернуть западную военную программу против Рима. Но Филипп не был склонен выполнять нереализованные планы Александра, он не располагал для этого ни условиями, ни возможностями. Утверждение Полибия, что род Антигонидов всегда мечтал о мировом господстве (V. 102. 1), голословно. В своей произвольной конструкции Полибий игнорирует существование Селевкидов и Карфагена, с которыми Македония не могла тягаться, они не допустили бы её усиления, царь это прекрасно понимал. «Мировое господство» мыслилось им иначе: как греко-македонское единение на Балканах и подчинение малоазийских земель.

Оба царя столкнулись во время боевых действий с заговорами в собственном окружении. Александр казнил Филота и тех, кто был заподозрен в соучастии. Филипп V расправился с Апеллесом – членом совета регентов и его сторонниками. Возможно, аналогия в действиях этих царей говорит о их сходных устремлениях. Александр круто расправился с оппозиционерами, первым претворив в жизнь закон, провозглашенный позднее Селевком Никатором: «Всегда справедливо то, что постановлено царем» (App. Syr. 61). Ни один Ан-

тигонид до Филиппа не решился в полной мере следовать этому принципу. Пользуясь военными успехами и возросшим авторитетом, Филипп V, имея наглядный пример в лице Александра Великого, представил дело как заговор.

Примечательно отношение царей к греческим союзникам. Для Филиппа, также как для Александра, засвидетельствованы явные отступления от договора лиги, но он никогда не воспринимал греков как подданных. Напротив, с самого начала правления его шаги были направлены на интеграцию греков и македонян. Существенное различие в политике царей объясняется изменившейся политической обстановкой: история наглядно показала ошибочность той линии поведения по отношению к греческим городам, которую предпочел в конце жизни Александр, а за ним и первые правители династии Антигонидов.

Филипп не был простым подражателем дел Александра Великого, перед предпоследним царем стояли весьма сложные военные и государственные задачи. Он был не менее талантлив и честолюбив, искусен в военном деле и при этом более дипломатичен, чем Александр. Фактом является то, что противник у Филиппа был гораздо более мощный, чем тот, с которым сражался Александр.

Пятый параграф «Модернизация политики Александра в конце III в.» показывает принципиальные отличия в политике Филиппа и Александра, благодаря которым интеграция Греции была действительно возможна. Фактически, столетие спустя после Александра Македонского Филипп V воспринял и попытался реализовать отброшенную диадохами идею о «слиянии народов» в рамках греко-македонского союза. Ко времени царствования Филиппа итоги «слияния» были очевидны. Факт сближения греков и македонян на Востоке породил надежду на подобное слияние и на Балканском полуострове. Кроме того, тенденция к смешению народов присутствовала в Македонии с древнейших времен. Обращаясь к истории царства, можно отметить, что домакедонское население не было полностью вытеснено македонскими колонистами. Такое сближение было результатом политики Филиппа II строгого равенства между старыми и новыми гражданами, между побежденными и победителями. Космополитическая природа эллинистического мира действительно предполагала, что региональные различия в конечном счете исчезли бы со временем.

Согласно македонскому обычаю, представители известных родов по традиции были придворными царя и занимали высокие должности в армейском корпусе и среди царских чиновников. Но в круг избранных лиц допускались не только македоняне, но и греки. Арат Старший, как неоднократно отмечалось, пользовался влиянием на царя, хотя не находился постоянно при царском дворе. Источники сообщают, по крайней мере, о двух «авантюристах» в окружении

Филиппа V – об иллирийском династе Деметрии Фарском и тарентинце Гераклиде, которые пользовались значительным расположением и доверием царя. Как и Александр, предпоследний царь Македонии использовал для управления покоренными соседними территориями представителей коренного населения.

В отличие от государств Селевкидов и Птолемеев, македонская монархия не стала деспотией. После реформ Гоната и Досона в Македонии, вероятно, была установлена новая административная система, приспособленная к новым социально-экономическим условиям, с элементами управления, свойственными для государства федеративного типа.

Македонцы в системе управления были представлены Собранием, за которым сохранялась судебная функция, право утверждения наследника престола. Правитель или регент мог вынести на обсуждение перед Собранием любой вопрос, который он считал слишком важным, чтобы решить его в Совете. Наиболее вероятно, в его сферу действия входило объявление войны и заключение соглашений. Допустимо предположение, что собрание всего народа проходило дважды в год на осеннем и весеннем фестивале. В военное время Собрание было армейским, но во время мира собрать всех македонян реально было лишь в связи с крупными празднествами. Возможно также, что функционировали собрания в четырех военно-административных округах, центрами которых, как и в римские времена, были Амфиполь, Фессалоника, Пелла и Пелагония.

Предварительный разбор дел, решаемых в Собрании, проходил в Совете, как в мирное, так и в военное время. В Совет входили так называемые «друзья», то есть военные командиры (οἱ ἡγεμόνες) и самые знатные из других македонян (οἱ ἀξιολογώτατοι τῶν [ἄλλων] Μακεδόνων), возможно, в мирное время в Совет входили также и делегаты от македонских городов (οἱ ἀπὸ τῶν πόλεων πρέσβεις). Ограничение царя проявлялось и в том, что он не мог произвольно исключить кого-то из состава Совета, за исключением, вероятно, немакедонян. Члены Совета имели право свободно высказывать свое мнение, не всегда совпадающее с желаниями правителя. Без консультации с Советом царь не выносил ни одного важного решения.

Статус городов и областей в Македонии был разным и зависел от традиций города и, вероятно, отношения к царю. Некоторые города имели демократическую форму полисного правительства. Македонские цари общались с такими городами через посольства. Хотя царь был всемогущим в пределах своего царства, но это не означало невозможность существования автономии некоторых городов. Часть городов находилась под управлением эпислатов, но они не были чужаками для управляемого ими города, напротив, они были гражданами

этой территории и не являлись царскими чиновниками. Поставленные под македонский контроль греческие полисы не притеснялись и не занимали неравное по сравнению с другими городами положение. Можно обратиться к политике Александра в отношении городов Малой Азии. Совершенно справедливо принято считать, что понятие «свобода» в отношении классического греческого полиса и в случае, когда Александр применял этот термин к городам Малой Азии, освобождая их от власти персов, следует различать. Но едва ли стоит утверждать, что македонский царь тогда внедрял новый принцип. Правильнее будет сказать, что дифференцированный подход к городам и соблюдение «свободы» полиса были в духе македонской традиции. Поэтому то, что обычно понимают под свободой эллинистического города, то есть невмешательство правителя, за редким исключением, во внутренние дела полиса, наличие гарнизона и уплата налогов, все это, видимо, существовало в Македонии и до Восточного похода. К концу III в. небольшие города Греции входили в состав федеративных государств, в которых реально существовала свобода в ее новом понимании – свободное сотрудничество государств в рамках крупного равноправного объединения. Филипп V имел все основания полагать, что греческие государства, уже познавшие и признавшие эту новую форму «свободы», со временем адаптируются в новом, более крупном объединении, которое сотрет границы между государствами – в лиге, основанной на договоре Общего Мира.

В настоящее время пересматривается старая точка зрения о том, что централизованная власть царей была несовместима с децентрализованной формой федерального самоуправления. Хотя Македонии принято считать унитарным государством, автор поддерживает мнение М. Хадзопулоса о том, что македонское государство имело «федеративный характер», который независит от монархической или республиканской формы центрального правительства²⁵.

Александр построил в Азии целую систему городов-крепостей, которые служили, прежде всего, для защиты от внешнего врага и внутренних смут. В отличие от знаменитого предшественника на троне Филипп не строил городов в Греции, в этом не было необходимости. Однако некоторым из греческих полисов царь придавал точно такое же значение, как Александр – системе «военных поясов». Как известно, три крепости Греции назывались «Оковами Эллады», кроме того, во многих греческих городах находились македонские гарнизоны. Примечательно, что, хотя присутствие македонских сил являлось нарушением договора Эллинской лиги, не зафиксировано ни одного случая в Греции (азиатские крепости в союз не входили), когда Филипп установил бы гарнизон вопре-

²⁵ *Hatzopoulos M. B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1. P. 426–427.*

ки воле союзников. Прежде всего, они были гарантом от социальных потрясений, а в условиях военного времени – и от измены.

Гарнизоны македонского правителя устанавливались не одновременно и не произвольно; напротив, Филипп планомерно создавал свою схему контроля над Грецией. Согласно его замыслу, в Греции должно было быть несколько опорных пунктов, где могли базироваться не просто гарнизоны, а своего рода «силы быстрого реагирования», если воспользоваться современной терминологией. К таким базам – «оковам Греции» относились Деметриада, Халкида, Коринф, вероятно, мессенский кремль на Ифоме и, возможно, один из греческих полисов Иллирии – Эпидамн, Аполлония и т.д. Правда, в западной части Греции Филиппу не все удалось реализовать задуманное. Гарнизоны в остальных городах должны были иметь вспомогательное назначение, многие из них были установлены либо после завоевания данной территории, либо на случай отражения внешней угрозы, исходящей, главным образом, от этолийцев. Со временем, если бы не вмешательство римлян, необходимость в этом втором звене контроля отпала бы, и македоняне вывели бы свои силы. В эту же схему контроля вписывается существование «царских уполномоченных» в Греции.

На наш взгляд, задуманную Филиппом систему контроля нельзя отрицательно оценивать. Гражданский мир не мог наступить в одночасье, с момента подписания мира между Этолийской федерацией и Эллинской лигой. Требовалось время, переходный период, который мог занять несколько десятков лет, прежде чем Общий Мир стал бы реальностью. Вполне естественно, что на первых порах требовалась такая система контроля, которая удержала бы колеблющихся от необдуманных поступков и не позволила бы нарушителю Мира остаться безнаказанным.

Шестой параграф «Личность и политика Филиппа в восприятии греков» объясняет причины неприятия греками деяний Филиппа. Акцент в этом параграфе сделан на вкладе Полибия в формирование негативного образа предпоследнего царя Македонии.

Неприязнь к царской власти была довольно острой в Греции с конца IV в. и на протяжении всего III в., хотя в сущности гегемония Македонии была не обременительнее для греков, чем гегемония Афин, Спарты или Фив в более раннюю эпоху. Однако с момента образования Эллинской лиги прошло совсем немного времени, греки не имели возможности оценить преимущества этого союза. Молодость царя Филиппа V также сыграла заметную роль в складывании негативного отношения к этому правителю со стороны греков. Как известно, в представлении греков управление государством и командование военны-

ми силами можно было доверить мужу зрелого возраста, то есть достигшему 30 лет. Недоверие к искренности мирных устремлений царя Филиппа создавало атмосферу ожидания поступков, которые подтвердили бы наихудшие опасения греков. Поэтому все шаги Филиппа рассматривались через призму этого негативного настроения. Нет ничего удивительного в том, что Полибий, говоря о тех или иных его деяниях, не может избежать отрицательных характеристик.

Филиппа часто обвиняли в том, что он неоднократно выступал нарушителем мира, но все обвинения относились к событиям после первой римско-македонской войны. Преступления, вменяемые Филиппу в вину, касались нападения на Афины, Киос, Абидос, Энос, Маронею, Фасос, Парос. Однако македонского царя нельзя назвать вероломным нарушителем Общего Мира. Все перечисленные полисы не входили в Эллинскую лигу, поэтому, по формальным причинам, на них не распространялись условия союзного договора. Все эти пункты были объектом притязаний Птолемеев, Пергама и Македонии.

Недостатком македонской политики можно считать слабую пропаганду. Филипп довольно поздно понял, что для формирования нужного общественного мнения необходимо каждое свое деяние показывать в выгодном свете. В отличие от римлян македонский царь не знал о существовании «идеологической войны»; он не выдвинул лозунг войны против римлян как общее дело греков и македонян. Не удалось царю эффективно использовать в своих политических замыслах и религиозную сферу. Эллинская лига не имела религиозного центра, который реально мог содействовать сближению греков и македонян. Филипп мог участвовать в устройении Немейских игр, подчеркивать свои связи с Аргосом, но этого было недостаточно для Эллинской лиги в целом.

Филипп, как и любой правитель, заслужил много нареканий, но за ним остаются и великие заслуги. Если исходить из нравственных норм того времени, а также иметь в виду условия, в которых проходила его юность, принять во внимание непомерность задач, стоявших перед ним, и излишнюю пристрастность источников, то его поступки не выглядят чудовищными. В изображении Филиппа присутствуют две основные составляющие: конкретные деяния правителя и их интерпретация у античных историков, идущая, как правило, из труда Полибия. Высказанные в его адрес обвинения в недостойном поведении и стремлении к тирании не имеют достаточного обоснования; они явились результатом особенностей общего замысла произведения ахейского историка и господствовавшего в греческом мире негативного отношения к македонской монархии.

За обвинениями в адрес македонского царя, вероятно, стоит и желание Полибия оправдать предательство ахейцев в ходе второй римско-македонской войны. Нельзя забыть еще один аспект, повлиявший на позицию Полибия в отношении Филиппа V. Полибий боготворил ахейского стратега Арата. Противопоставление деяний Арата и македонского царя, естественно, было в пользу первого. Поэтому, самое главное обстоятельство, повлиявшее на складывание отрицательного образа царя в глазах Полибия, – это убийство Филиппом ахейского стратега. Исследователи часто воспринимают буквально слова Арата перед смертью, что его гибель является расплатой за дружбу с царями. Вслед за древними авторами Филиппа принято обвинять в отравлении ахейского стратега. Однако убийство Арата противоречило выбранному Филиппом политическому курсу.

Лишь после нескольких лет римского господства на Балканах греки смогли по достоинству оценить усилия Филиппа. Но осознание необходимости в дружбе и союзе с Македонией пришло в Грецию слишком поздно.

В заключении подводятся итоги работы и делаются основные выводы. Греческая история в свои переломные периоды в конце IV и в конце III вв. до н.э., породила такое необычное объединение греческих государств, как Коринфская лига. Создание греко-македонского государства в IV в. было невозможно, тогда такую цель не ставили перед собой ни македоняне, ни греки. Поэтому создававшиеся в конце IV в. греческие союзы под эгидой Македонии не могли быть долговременными. Каждая из сторон преследовала свои интересы, которые временно совпадали и находили свое выражение в этих лигах. Македония видела в них орудие своего господства в Греции, не имея сил для полного ее покорения.

Характерно, что отношение греков к союзам менялось. Если в союзе Филиппа II они не только были неравноправными партнерами македонского царя, но и понимали, что на деле союз был формой подчинения Греции, то ситуация меняется к 302 г., а в союзе Антигона Досона и Филиппа V греческие союзники под влиянием наиболее сильного из них – Ахейского союза неоднократно оказывали давление на македонского царя. Участники лиги 224 г. обладали намного большей независимостью по отношению к центральной власти.

В конце III в. Македония сама приобрела некоторые черты, характерные для федераций. Никакой несовместимости между царским саном и федеративным самоуправлением не существовало. В отношениях между центральной властью и отдельными полисами как в греческих федерациях, так и в Македонии существенных отличий не было. Отказавшись от силовых методов своих

предшественников, Филипп V получил возможность достичь реального сотрудничества греков и македонян. Весь начальный период своего правления, до вмешательства римлян в дела Эллады, он посвятил реализации этого грандиозного замысла.

Итогом Союзнической войны 220–217 гг. стало принуждение этолийцев к соблюдению Общего Мира в Греции. Дальнейшие шаги Филиппа, направленные против бывшего союзника Скердилаида, также были рассчитаны на выполнение условий договора Общего Мира. Борьба с иллирийским пиратством, по замыслу царя, стала бы обоснованием сохранения в Греции гарнизонов и подтверждением стремления македонян к сохранению внутреннего мира и благополучия в регионе. Наличие «общего врага» – этолийцев, Скердилаида, спартанцев, римлян – в политическом аспекте, низов общества – в социальном, было необходимо для греко-македонской интеграции. «Общий враг» должен был стать той основой, которая сближала бы разные категории населения греческих городов с македонянами.

Теоретически возможное сплочение Греции в едином государственном образовании под главенством эллинистического монарха на практике так и не было достигнуто. Неудача интеграции была вызвана несколькими причинами.

Во-первых, предпоследний царь Македонии желал прославиться военными деяниями и не имел финансовых возможностей для регулярного вливания средств в Грецию.

Во-вторых, противоречивая политика македонских властителей в Греции не способствовала социальной стабильности внутри эллинских полисов.

В-третьих, стремление македонян удержать и жестко контролировать Деметриаду, Халкиду и Коринф, как наиболее стабильный элемент новой системы контроля над Грецией, рассматривались греками как угроза их независимости. В полной мере Филиппу не удалось создать эту систему. Для этого требовалось время и солидарность союзников. Первое вмешательство римлян в греческие дела заставило Филиппа ускорить создание новых опорных баз в Греции, но в глазах греков он стал притеснителем и тираном, что в конечном счете способствовало краху его планов.

В-четвертых, греки всегда негативно относились к монархии; в их восприятии, монархия совершенно не походила на существовавшие в Греции формы объединений полисов и этнических общностей. Они не могли и не хотели увидеть в Македонии своего рода «разновидность» федеративного государства.

В-пятых, с конца IV в. прослеживается общая для всех греков тенденция настороженного отношения к македонским царям, которая не способствовала

интеграционным процессам. В сущности, каждого македонского правителя они подозревали в желании подчинить Грецию.

В-шестых, действия Филиппа в Иллирии было неверно поняты как греками, так и римлянами. Все мероприятия Филиппа греки восприняли как стремление завоевать соседние территории. Римский сенат усмотрел угрозу своей восточной политике в слишком активных действиях македонян и вмешался в греческие дела, поддерживая врагов Эллинской лиги.

В-седьмых, в качестве одного из элементов сплочения греков и македонян Филипп не имел возможности опереться на некий общий идеологический фактор. Царь планировал сделать Дельфы религиозным центром Эллинской лиги, подобно тому как в Ахейском и Этолийском союзах общесоюзные святилища были «столицами» этих федераций. Однако освободить Дельф из-под власти этолийцев ему так и не удалось.

В-восьмых, исконный греческий сепаратизм и партикуляризм, недалекость и личные мотивы многих политиков не позволили последнему шансу единения греков и македонян реализоваться.

В приложении приводятся карты-схемы боевых действий Союзнической войны; карта Иллирии; таблица, составленная В. Шваном, содержащая численность армейских подразделений государств-участников Коринфской лиги 338 г.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. *Сивкина Н.Ю.* Инцидент в Кинифе / Н. Ю. Сивкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып.1. – Н.Новгород: ННГУ, 2002. С. 32–39. (0,6 п.л.).

2. *Сивкина, Н.Ю.* Два этолийских рейда в Пелопоннес накануне Союзнической войны 220–217 гг. / Н. Ю. Сивкина // Вестник древней истории. 2003. № 3. С. 140–150. (1 п.л.).

3. *Сивкина, Н.Ю.* Подготовка Союзнической войны 220–217 гг. до н.э.: борьба за Спарту / Н. Ю. Сивкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып.1 (2). – Н.Новгород: ННГУ, 2003. С. 28–33. (0,5 п.л.).

4. *Сивкина, Н.Ю.* Равноправие союзников в Эллинской лиге 224 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып.1 (3). – Н.Новгород: ННГУ, 2004. С. 42–50. (0,5 п.л.).

5. *Сивкина, Н.Ю.* Наемники в войсках Эллинской лиги / Н. Ю. Сивкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1 (4). – Н.Новгород: ННГУ, 2005. С. 5–12. (0,8 п.л.).
6. *Сивкина, Н.Ю.* К вопросу о македонской системе контроля над Грецией / Н. Ю. Сивкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, политология, экономика. Вып.6. № 2(42). Изд-во БелГУ, 2008. С. 14–21. (0,6 п.л.).
7. *Сивкина, Н.Ю.* «Оковы Эллады» в правление Филиппа V / Н. Ю. Сивкина // Вестник древней истории. № 2. 2008. С. 109–117. (0,7 п.л.).
8. *Сивкина, Н.Ю., Сизов, С.К.* К вопросу об аутентичности речи Агелая в Навпакте / Н. Ю. Сивкина, С.К. Сизов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История, политология, экономика. Вып.7. № 5(45). Изд-во БелГУ, 2008. С. 13–19. (0,6 п.л. / 0,3 п.л.).
9. *Сивкина, Н.Ю.* Заговор Апеллеса в 218 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. – М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. С. 233–241. (0,5 п.л.).
10. *Сивкина, Н.Ю.* Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220–217 гг. до н.э. / Н.Ю. Сивкина. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2007. 384 с. (20,2 п.л.) Монография.
11. *Сивкина, Н.Ю.* Должностные лица в Коринфской лиге / Н. Ю. Сивкина // Боспор и античный мир. – Н.Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997. С. 190–201. (0,6 п.л.).
12. *Сивкина, Н. Ю.* Коринфская лига Антигона и Деметрия / Н. Ю. Сивкина // Вопросы всеобщей истории и политологии. – Белгород: БГУ, 1997. С. 20–35. (1 п.л.).
13. *Сивкина, Н. Ю.* Состав Эллинской лиги 224 г.до н. э. / Н. Ю. Сивкина // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н. П. Соколова. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. С. 43–48. (0,4 п.л.).
14. *Сивкина, Н. Ю.* Государственный переворот в Мессении в 220 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Античный мир. – Белгород: БелГУ, 1999. С. 26–37. (0,6 п.л.).
15. *Сивкина, Н. Ю.* Лозунг «свободы и автономии греков» в политике Антигона Одноглазого / Н. Ю. Сивкина // Восток и запад: традиции, взаимодействие, новации». Материалы конференции. – Владимир: ВГПУ, 2000 С. 54–57. (0,3 п.л.).
16. *Сивкина, Н. Ю.* Должность Тавриона в Эллинской лиге 224 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Античное общество IV: власть и общество в античности. Материалы конференции антиковедов. – СПб.: СПбГУ, 2001. С. 101–107. (0,3 п.л.).
17. *Сивкина, Н. Ю.* Социальная борьба в Мессении в конце III в.до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Из истории античного общества». Вып.7. – Н.Новгород: ННГУ, 2001 С. 119–129. (0,5 п.л.).

18. *Сивкина, Н. Ю.* Битва при Кафиях / Н. Ю. Сивкина // XII чтения памяти профессора С.И.Архангельского. Часть 1. – Н.Новгород: ННГУ, 2001. С. 101–108. (0,5 п.л.).
19. *Сивкина, Н. Ю.* Полибий о походе Филиппа V в Акарнанию / Н. Ю. Сивкина // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Ч.1: Проблемы источниковедения истории древнего мира и средних веков. Коллективная монография. – Белгород, 2002. С. 11–16. (0,6 п.л.).
20. *Сивкина, Н. Ю.* Поход Деметрия Фаросского на Мессению / Н. Ю. Сивкина // Акра. Межвузовский сборник. – Н.Новгород: ННГУ, 2002. С. 125–132. (0,5 п.л.).
21. *Сивкина, Н. Ю.* Экстремизм в Мессении и Спарте накануне Союзнической войны / Н. Ю. Сивкина // Из истории античного общества. Вып. 8. – Н.Новгород: ННГУ, 2003. С. 94–104. (0,7 п.л.)
22. *Сивкина, Н. Ю.* Мессения в период 220–216 гг. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Клио. – СПб.: «Нестор», 2003. № 1. С. 43–46. (0,5 п.л.).
23. *Сивкина, Н. Ю.* Устремления создателей Эллинской лиги в период 224–220 гг. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIII чтения памяти С.И Архангельского. – Н.Новгород, 2003. С. 22–24. (0,3 п.л.).
24. *Сивкина, Н. Ю.* К вопросу о наследовании должности гегемона в Эллинской лиге 224 г. до н. э. / Н. Ю. Сивкина // Материалы IX чтений памяти профессора Н. П. Соколова. – Н. Новгород: ННГУ, 2004. С. 57–59.
25. *Сивкина, Н.Ю.* Синедрион в лиге Антигона Одноглазого / Н. Ю. Сивкина // Историк и его дело. Межвузовский сборник. Вып.4. – Ижевск: УдГУ, 2005. С. 38–44. (0,5 п.л.).
26. *Сивкина, Н.Ю.* Процедура оформления начала войны и сбора союзного войска в Коринфских лигах / Н. Ю. Сивкина // Клио. – СПб.: «Нестор», 2005. № 2. С. 90–94. (0,7 п.л.).
27. *Сивкина, Н.Ю.* Этолийская тактика в начале Союзнической войны / Н. Ю. Сивкина // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIV чтения памяти С.И Архангельского». – Н.Новгород: ННГУ, 2005. С. 36–40. (0,5 п.л.).
28. *Сивкина, Н.Ю.* Историографическая дискуссия о характере Коринфской лиги / Н. Ю. Сивкина // Лествица: материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти проф. В.П.Макарихина. Межвузовский сборник. – Н.Новгород:ННГУ, 2005. С. 239–247. (0,5 п.л.).
29. *Сивкина, Н.Ю.* Зимняя кампания Филиппа V в Пелопоннесе / Н. Ю. Сивкина // Проблемы антиковедения и медиевистики». Межвузовский сборник. Вып. 2. – Н.Новгород: ННГУ, 2006. С. 51–61. (0,5 п.л.).

30. *Сивкина, Н.Ю.* Путч Хилона в Спарте в 218 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира». Вып. 5. – СПб., 2006. С. 241–250. (0,5 п.л.).
31. *Сивкина, Н.Ю.* Социальный фактор политической борьбы в греческих государствах конца III в. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Античная история и классическая археология. Вып.2. – М.:Академклуб, 2006. С. 138–153. (0,5 п.л.).
32. *Сивкина, Н.Ю.* Полководческие способности Филиппа V в первых кампаниях Союзнической войны / Н. Ю. Сивкина // Античный мир и археология. Межвузовский сборник. Вып. 12. – Саратов, 2006. С. 95–109. (0,6 п.л.).
33. *Сивкина, Н.Ю.* Две составляющие одного портрета (к проблеме образа Филиппа V у Полибия) / Н. Ю. Сивкина // Из истории античного общества. Вып. 9–10. – Н.Новгород: ННГУ, 2007 С. 286–296. (0,5 п.л.).
34. *Сивкина, Н.Ю.* Филипп V и Александр Македонский: параллели биографий / Н. Ю. Сивкина // Материалы Всероссийской научной конференции «X Чтения памяти проф. Н.П. Соколова». – Н.Новгород: ННГУ, 2007. С. 39–46 (0,5 п.л.).
35. *Сивкина, Н.Ю.* Союзное войско Эллинской лиги 224 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал: Вып. 2. – Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 2007. С. 58–67. (0,8 п.л.).
36. *Сивкина, Н.Ю.* Иллирийский фактор в римско-македонской «холодной войне» / Н. Ю. Сивкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 1. – Н.Новгород: ННГУ, 2007. С. 196–204. (0,8 п.л.).
37. *Сивкина, Н.Ю.* «Авантюристы» в окружении Филиппа V / Н. Ю. Сивкина // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XV чтения памяти С.И Архангельского. – Н.Новгород: НГПУ, 2007. С. 18–20. (0,3 п.л.).
38. *Сивкина, Н.Ю.* Виновен ли Филипп V в убийстве ахейского стратега Арата? / Н. Ю. Сивкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (6). – Пенза, 2008. С. 3–8. (0, 5 п.л.).
39. *Сивкина, Н.Ю.* Македонцы в Эллинской лиге 224 г. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. – СПб., 2008. С. 71–84. (0,5 п.л.).
40. *Сивкина, Н.Ю.* К вопросу о религиозной политике Филиппа V в конце III в. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Из истории античного общества. Вып. 12. – Н.Новгород: ННГУ, 2009. С.123–129. (0,4 п.л.).
41. *Сивкина, Н.Ю.* Роль пропаганды в политике Филиппа V в конце III в. до н.э. / Н. Ю. Сивкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (10). – Пенза, 2009. С. 3–9. (0, 5 п.л.).

Подписано в печать 18.12.2009 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2. Заказ № 701. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в лаборатории множительной техники
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
Лиц. ПД № 18-0099 от 4.05.01.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37